

ЛЕОНИД МАРКОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

Посвящается друзьям -
соседям по Кампусу

КАМПУС

Роман в 36 рассказах

КНИГА ИЗДАНА АГЕНТСТВОМ
ИНФОМАРТ

© 1992

*От автора
17 октября 1992 г.*

Автор, будучи сыном хорошего поэта, никогда себя писателем не считал, и писать не собирался. Первые две трети рассказов родились сами собой в основном между 9 вечера и 1 ночи с конца апреля по конец июня 1985 г. Автор играл при сем роль невольной машинистки, поскольку какого-либо замысла, плана романа или даже рассказа не существовало. Рассказы писались почти набело и подвергались в дальнейшем небольшой редактуре. Попытки отложить печатание (точнее, выпечатывание) вызывали непереносимые стрессы и блокировали всякую иную работу.

Решение поставить точку летом 1989 г. было связано с исчерпанием темы. Роль судьи Стивенса в реальной жизни и его влияние на судьбы обитателей Кампуса изменялись. Прототипы, можно надеяться, не будут в претензии на опубликование романа, по крайней мере, по следующим причинам: большинство из них слышало в устном исполнении или читало роман и не выражало отрицательных эмоций; часть из них не имеет прямых прототипов; в любом случае они не поддаются какой бы то ни было идентификации. Для непосвященных в предысторию роман, как надеется автор, станет любопытным опытом прозы в искусственном хронотопе, по обывательским представлениям о жизни американского общества третьей четверти XIX века и специфики академической жизни эпохи заката реального социализма.

Жанр "Кампуса" автору так и остался неясен. Но он был бы счастлив, если читатель вспомнил бы роман О. Генри "Короли и капуста" и счел бы это произведение подражанием. В то же время возможное сходство с Брет Гартом и Джеком Лондоном, в общем, случайно.

Содержание

ОБИТАТЕЛИ КАМПУС-СИТИ И ОКРЕСТНОСТЕЙ.	с.6
ИСТОРИЯ ГОРОДА	с.8
ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ КАМПУС-СИТИ, ВЫСЕЧЕННАЯ НА МРАМОРНЫХ СКРИЖАЛЯХ, УСТАНОВЛЕННЫХ У ЦЕРКВИ СВЯТОГО ВАРФОЛОМЕЯ	с.8
ПЕРВАЯ ИНДЕЙСКАЯ ВОЙНА - ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ	с.9
ПОРТРЕТЫ ОБИТАТЕЛЕЙ КАМПУС-СИТИ	с.11
ПОЖАР В САЛУНЕ	с.11
КАК ДЖЕЙН СТАЛА ТОЛСТУХОЙ	с.12
КАК НИКОЛС СТАЛ ПРОБИРЩИКОМ	с.14
МИССИС ПРЮДЕНС И ЕЕ КОЛЯСКА.....	с.15
ТОРГОВЫЙ ГРЕК	с.18
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УВАЖАЕМЫХ ЛЮДЕЙ КАМПУС-СИТИ	с.19
МАККИНСИ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО	с.21
РЭЙЧЕЛ В КАМПУС-СИТИ	с.24
МА'АМ БЭККИ И КЛЕО.....	с.26
АМАЗОНКА САЛЛИ	с.30
СУДЬЯ СТИВЕНС И...	с.32
... И ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕСТНЫХ НАЗВАНИЙ	с.32
... И БОМОНД	с.33
... И СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ	с.35
... И РЕЛИГИЯ	с.36
ЗОЛОТО.....	с.38
ЛЕГЕНДА О "КОРЕННОЙ ЖИЛЕ".....	с.38
СУДЬЯ СТИВЕНС И КОМЕНДАНТ	с.40
ОДИНОКИЙ СТАРАТЕЛЬ НА "ВЕСТ-ОРАНДЖ"	с.41
РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В КАМПУС-СИТИ. ШЕРИФ .	с.44
ТЕРМЫ И СИТИ-ХОЛЛ	с.48
ЛЮБОВЬ В КАМПУС-СИТИ	с.52
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	с.52
ИСКУШЕНИЯ ГОРИЛЛЫ САРДЖЕНТА	с.58
СВАДЬБА	с.64
ХРОНИКА	с.70
НАСТАВЛЕНИЯ ИНДЕЙЦАМ	с.70
НИКОЛС ВЫХОДИТ В ЛЮДИ	с.74

ОДИНОКИЙ СТАРАТЕЛЬ И СИМФОНИЯ	с.81
ПРЕОБРАЖЕНИЕ ШЕРИФА.....	с.86
ПУТЬ К БРОДЕЛЮ	с.86
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.....	с.90
ПРЕОБРАЖЕНИЕ ШЕРИФА	с.92
СВОБОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАМПУС	с.95
ТРИУМФ ДЖЕЙН	с.97
ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ	с.97
ВЫБОРЫ.....	с.98
ТОЛКИ	с.100
ВЪЕЗД	с.102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	с.103
ПОСЛЕДНИЙ КЕМПИНГ	с.103

23/ -1989 ОБИТАТЕЛИ КАМПУС-СИТИ И ОКРЕСТНОСТЕЙ.

Судья Стивенс - патрон городка, святой человек. Орешник, Коза-Овен: Коза-борец.
Мр.Николс - пробирщик, высок и задумчив.
Вяз, Тигр – Козерог: Рассудительный Тигр. Великолепно избежит неприятностей.
Люси Николс - смешлива, но не проста.
Жасмин, Коза(?) - Телец: Очаровательная Коза. Ее праздность может ее погубить, если друзья не позаботятся о ней.
Шериф Таккер/Трабл - правая рука судьи, усат.
Орешник, Дракон-Весы: Разочаровывающий Дракон. Не доверяйте ему - его внешность обманчива.
Майкл Капитано - богатый скотовод, в борьбе за доброе дело может и линчевать.
Вяз, Кот-Рак: Кот на коленях. Бездействие не давит на него. Он очаровательный, но немножко изнежен.
Миссис Лора Прюденс - городская знать, ездит в коляске.
Сосна, Дракон - Дева: Точный Дракон. Единственный из Драконов, не являющийся химерой. Ему можно верить.
Одинокый Старатель - ходульный индивидуалист. Орешник, Свинья-Овен: Свинья голова! Но золотое сердце!
Геракл Садзитакис - торговый грек, игрок, крайне недоверчив.
Граб, Крыса - Стрелец: Энергичная Крыса. Ей удастся даже сделать сбережения.
Бэки Тэтчер - дочь плантатора, самые большие шляпки в городе.
Тополь, Коза-Лев: Гордая Коза. Трудно ее понять, так как много в ней противоречий.
Том Найденыш - старый негр судьи, варит брагу.
Джон Маккинси - городской географ, божий человек.
Вирджиния - девушка с почты, 100% американка. Горилла Сарджент - простой парень.
Блэксмит - уважаемый человек.
Инжир, Коза-Стрелец: Решительная Коза. Может быть полезной.
Есть воля, воспользуйтесь ею. 6
Боб Голдсмит - его сын.
Инжир, Бык-Стрелец: Уравновешенный Бык.
Пижон Дигги - молодой старатель в манишке, встает в салуне, когда туда спускаются девочки.
..., Свинья, ...
Чен - честный трудолюбивый китаец.
Джейн - владелица салуна, важная птица благородного происхождения.
Каштан, Собака-Скорпион: Разъяренная Собака. Не доверяйте ее боевому пылу.
Рэйчел - ее сестра, наездами из столицы штата.
Ясень, Кот-Стрелец: Исключительный Кот. Будет лучшим, самым уравновешенным из

Котов.

Клео - прирожденная негритянка, нянька Бэки. Салли - местная амазонка (с дочкой).

Картас, Кот-Лев: Кот-Тигр. Хотя довольно спокойный, пройдет жизненный путь с выпущенными коготками.

Чарли Оползень - городской сумасшедший.

Губернатор, его вицы, старатели, индейцы, козочки салуна...

ИСТОРИЯ ГОРОДА

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ КАМПУС-СИТИ, ВЫСЕЧЕННАЯ НА МРАМОРНЫХ СКРИЖАЛЯХ, УСТАНОВЛЕННЫХ У ЦЕРКВИ СВЯТОГО ВАРФОЛОМЕЯ

Осенью 18.. года судья Стивенс пришел в эти благословенные места с группой учеников и последователей и основал город. Они хотели развести огороды и сады, удить рыбу и поддерживать бартерную торговлю с индейцами. Добрые вожди племени томахан, жившие в окрестностях, оценили редкий дар судьи Стивенса к убеждению. Вообще его сочли святым человеком, поскольку он на их глазах месяц не ел мяса. Вожди в обмен на 10 железных топоров отдали холмы у реки. На одном из них был основан поселок, на втором огороды, а на третьем в дальнейшем предполагалось основать обсерваторию и школу для индейских детей. В те счастливые времена никто и не слышал о золоте в этих краях.

Пионеры пережили первую тяжелую зиму в одном вигваме, питаясь сушеной рыбой и чесноком. Под завывание вьюги они внимали библии и обсуждали планы создания поселка, в котором не будет денег и железных дорог, властей и налогов, оружия и химических удобрений, а будет равенство и справедливость! В течение трех лет урожаи и доходы их были так скудны, что кормились они только два раза в день все вместе, но никто из них не поднял руку на живое! Одежда их изнасилась и не было больше железных топоров, чтобы обменять на мокасины. А индейцы племени гурон обижали их и даже отняли третий холм, так что астрономические инструменты ржавели в сыром вигваме. Но и тогда никто не поднял руку ни на индейцев, ни на другую живность.

И судья Стивенс сказал, что нельзя жить без церкви. И женщины отдали свои украшения, а негр Том Найденыш отдал свой золотой зуб. Судья Стивенс велел продать астрономические инструменты и взял ссуду на 3 года в 1 Национальном банке под залог того кусочка бумаги, на котором индейские вожди оставили свои отпечатки пальцев, передавая холмы в собственность поселенцам. На эти деньги они построили церковь, дома, мельницу, кузницу, проложили дорогу в столицу штата, нашли залежи железа, осушили Санта-Моника-плэйнз и сделали много других добрых дел.

Процветание пришло к тем, кто терпел и верил, изучал Книгу, не ел мяса и пел хором. И нагло лгут те, кто шушукается по углам, что городок был отстроен на золото старателей. Лишь позднее мудрый судья Стивенс разрешил молодым людям для обзаведения перед свадьбой в течение некоторого времени намыывать золото на окрестных ручьях. Тогда же городок начал платить золотом налоги штату, а также на церковные и городские нужды.

В дальнейшем в городе были основаны рознично-оптовая фирма, цветочный магазин,

тюрьма. Учреждены должности шерифа, пробирщика и географа. Было введено золото-весовое обращение, но ростовщичество осталось пока под запретом. Старатели, действуя не корысти ради, а общего блага для, живут в окрестностях Кампус-сити. Зарегистрировав свою заявку у географа (согласно законам штата), они платят налоги и тем вносят свою лепту в процветание городка и окрестностей. Добрые индейцы охотно приносят в городок мясо оленей и шкуры в обмен на продукты городского производства. Хор в Кампус-сити - лучший в штате, а мудрости судьи Стивенса завидует губернатор. Жители городка под его духовным и административным руководством не имеют внутренних противоречий и живут как братья.

27/IV-1985

ПЕРВАЯ ИНДЕЙСКАЯ ВОЙНА, ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ

Караван пришел осенью, мистер Стивенс выпросил у добрых индейских вождей племени томахан бросовую землю и начал устраиваться. Сам судья Стивенс, как его начали называть (всю зиму он учил закону и порядку), трудился день и ночь, менял привезенные железки на золото у индейцев, чтобы заплатить налоги штату и вернуть ссуду с процентами благоволившему к затее с переселением вице-губернатору. Огорчали только примазавшиеся к колонии вегетарианцев-огородников старатели, которые помимо работы в огороде сразу же начали мыть золото. Это нервировало судью, т.к. порождало проблему неравенства.

К лету переселенцы отощали, огороды еще не кормили. Внутренние трудности разрастались - начали строить индивидуальные коттеджи и охотиться на оленей. В общем, происходило обычное для этого дремучего континента разложение фаланстера. Питание мясом, первая брага и намыв золота, а также естественный процесс разделения труда в общине нарушали централизацию прибавочного продукта и его уравнительное использование.

К счастью, начались внешние конфликты первым же летом. Всеобщая мобилизация для защиты огородов, вооружение населения, включая женщин и детей, разрешение стрелять оленей для питания ополчения, отмена спевков для караульных - все это заняло в минуту опасности лишь час на размышление. Внутренний конфликт был, естественно, снят в ходе войны. Решающую победу на Малой Роне одержали старатели в своем знаменитом походе под предводительством судьи Стивенса. Связки скальпов плохих индейцев были выставлены на шестах для устрашения добрых индейцев. Территории были расширены, налоги штату были уплачены трофеями, хотя тут же были увеличены вице-губернатором.

Первая война несколько омрачила братские отношения судьи с вождями добрых индейцев. Зато были довольны старатели - явочным порядком мытье золота стало патриотическим делом: нужны были средства на уплату штату, оружие, городские

службы - судья Стивенс не мог прокормить весь поселок из своих запасов. Другой проблемой города стала заносчивость отдельных старателей, поскольку они целое лето воевали и вышли из благодати. Прежде чем судья Стивенс опомнился, в городке появился первый салун. Геракл открыл лавку всякой всячины в обмен на золото, Майкл Капитано вдруг полюбил скотоводство. Даже старый, верный Том увлекся варкой браги, бросил любимого учителя и его огороды, ушел в лес и там спаивал всех индейцев подряд (белые его брагу не пили) - скоро и сам из черного стал пепельно-лиловым. Не успел судья Стивенс оглянуться, как вдоль Мэйн-стрит стали появляться коттеджи, немногим уступавшие его собственному (ему полагалось по штату). Так в ходе внешнего конфликта был упущен момент для образования настоящей коммуны. Но мечта не покидала судью - он все силы бросил на духовное обновление жителей Кампус-сити, стараясь проповедью и налогами вернуть их на путь истинный.

28/IV-1985

ПОРТРЕТЫ ОБИТАТЕЛЕЙ КАМПУС-СИТИ

ПОЖАР В САЛУНЕ

В Кампус-сити всегда был салун. Салун имел свойство сгорать хотя бы один раз в год - осенью - во время всеобщей попойки. Наиболее проникательные жители городка подметили, что осенний пожар обычно совпадал с появлением в городке Одинокого старателя с хорошей добычей, особенно если в салуне были новенькие девочки. По всей видимости, он договаривался с хозяйкой (за соответствующую мзду) запалить все заведение в разгар кутежа. Городок втайне ждал этого вечера, и не было человека в городке, который мог бы хотя бы ползать и не был бы на пожаре. Действительно, что больше может скрасить осеннюю скуку, поднять тонус, снабдить сплетников порохом на долгую зиму, чем полноценный пожар в борделе!

В этот день даже верные жены не падали в обморок, увидев глав семейств выпрыгивающими из окон второго этажа салуна с пучком розовой кисеи на руках, с портмоне в зубах и без полного комплекта обмундирования джентльмена. Тут-то и выяснялось: кто до чего на самом деле дошел, кто какую масть предпочитает и тому подобные интересные штучки.

В толпе заключались пари: кто последним покинет заведение, что прозвенит, дорогая, очередной рояль. Всем интересно было, кто допился до такой степени, что обнаружит себя с Розы. Последнее рассматривалось в городке и как своего рода падение, М как признак мужской доблести - Розы с годами стала все более походить как на пожар на нефтяной вышке, так и на его последствия.

11

Город стоял вокруг полыхающего салуна. Самые храбрые ныряли внутрь за бесплатной выпивкой. Хозяйка обычно ломала руки, а девочки рыдали в своем роскошном дезабилье. Полуголые мужи города, прикрываясь кольцом, разбежались по

домам, сопровождаемые картинными проклятиями жен, возгласами одобрения друзей и красочными комментариями свободомыслящей части женского населения городка. В этой суматохе до утра исчезали несколько девочек, не видно было и Одинокого старателя с приятелями.

Судья Стивенс, не переносивший пожаров вообще, очень нервничал, когда ему приходилось выскакивать на улицу и бить в колокол, который он специально повесил у своего дома. В своей проповеди в ближайшее воскресенье он обрушивал новые проклятья на голову злодеев: поджигателей и пьяниц. Вид судьи Стивенса в ночном колпаке и с двумя любимыми книгами под мышкой, бьющего в "железо", также входил в программу этого развлечения. Даже уважение жителей к горячо любимому судье не могло заставить их лишиться этого подлинно национального праздника. Тем более что пожар всегда приходился на хороший сухой вечер, когда ясное небо и отсутствие ветра позволяли вполне насладиться этими сельскими развлечениями. Простодушие жителей было столь велико, что на них нельзя было долго обижаться!

224/IV-1985

КАК ДЖЕЙН СТАЛА ТОЛСТУХОЙ

Собственно толстухой Джейн была только в детстве, когда обедалась шоколадом и пирожками в доме своего отца, прокурора штата. Пребывание замужем за столоначальниками (сначала одним, потом - другим) канцелярии штата постепенно превратило ее в интересную брюнетку, пожирательницу чиновничьих сердец. Покончив с последними, Джейн впала в тоску и скуку. Вести образ жизни столичных обывателей: сплетни - драгуны - пикнички, для этой деятельной натуры стало невыносимо. Нужен был внешний стимул, чтобы решиться все радикально переменить. Толчок событиям был дан на балу в Валентинов день, когда

12

губернаторша милостиво похлопала ее веером по плечу и, прихлебывая ситро, похвалила за скромность поведения и наряда. Сломать веер ("слоновая кость - китайская работа!"), сунуть его в ситро, а потом выплеснуть все это в прическу гранд-дамы было делом одной секунды. Драгунские офицеры сначала захлопали - губернаторшу мало кто любил в столице - и мигом попрятались. Джейн вышла из губернаторского дома как капитан, без сожаления шагающий через борт тонущей посуды.

Вопрос: что делать - имел несколько возможных ответов. Остаться и партизанить в городе, уехать в Вашингтон или короноваться в глуши. Поскольку первые две альтернативы были ей либо не по карману, либо не по душе, оставалось лишь выяснить, где еще есть "свободные территории". Кто-то из старателей Кампус-сити, покупавший в городе порох и инструмент (Геракл драл с сограждан втридорога), расхвалил ей природу тех мест, добрый нрав патрона городка судьи Стивенса и дал

понять, что социальная иерархия в округе не имеет верхнего женского элемента. Сборы были недолги.

Действительность, как обычно, несколько отличалась от рекламы, в особенности по последнему пункту. Местная иерархия была примитивна, а высшее общество вообще не сформировалось. Привычных элементов городского бомонда: офицеров, чиновников, богатых семейств, учителя, пастора, доктора и т.п. - в Кампус-сити просто не было. Судья Стивенс совмещал большинство этих ролей, остальное население состояло из старателей, индейцев, рубщиков леса, фермеров и скотоводов, а также небольшой сферы обслуживания. В ней-то и предстояло теперь найти свое место вновь прибывшей. Но это было не так просто, ибо цветочный магазин в городке уже был, Геракл Садзитакис монополизировал розничную торговлю, на почте сидела Вирджиния, а других почтенных занятий для интересной молодой женщины в те времена еще не придумали.

Другая, столь же не приспособленная к жизни, но менее энергичная женщина опустила бы руки. Но Джейн решила открыть "шикарное заведение". В этот момент она наткнулась на старого знакомого - бывшего магистра философии, пытавшегося когда-то открыть частный университет в столице штата. Он разорился: никому в голову не приходило учиться на свои деньги, а губернатор был против образования вообще. Старатель популярно объяснил Джейн разницу между содержательницей салуна и губернаторшей и подкинул ей денег на обустройство, мудро обеспечив себе первоклассный сервис на обозримое будущее. Единственное неудобство ее нового положения, как сразу выяснилось, состояло в том, что в представлении старателей хозяйка салуна была Толстухой независимо от ее абсолютного веса. В этом пришлось уступить, зато общий респект был полным.

25/IV-1985

КАК НИКОЛС СТАЛ ПРОБИРЩИКОМ

Николс появился в поселке одним из первых и с тех же пор считался жутко умным. Даже судья Стивенс частенько рисовал спираль в воздухе и говорил: Николс - это голова! При добротном росте он ухитрился сохранить детскую любовь к играм и головоломкам. За это его очень любили старатели: он мастерил для них крючки для вытаскивания самородков и мог объяснить, почему вода течет вниз. А зимой, когда все работы останавливались, он обучал их игре в бычка, в бутылочку, волки-овцы и другие доступные салунные игры.

Пробирщиком он стал, чтобы иметь свободное время для своих хобби. Потому как мыть золото в поле ему было не то чтобы утомительно, а скучно и однообразно. Когда он начиная по бедности это нелегкое дело, то любил каждый день с утра промыть шиверку на новом ручье. Жена его Люси, которая пошла в эту глушь за его кудрями аж из столицы штата, начала было уже нервничать: она не привыкла быть без куса презренного металла. Но тут он разом доказал, кто есть кто среди старателей,

притащив из очередной прогулки кусище золота величиной с лошадиную голову. С тех пор на ручьях его не видели вообще, он полностью переключился на изобретение и разгадывание головоломок. Особенно много шума в Кампус-сити произвел сделанный им из чистого золота кубик на шарнирах с буквочками на гранях, которые, как ни верти, всегда показывали то или иное ругательное слово - старатели веселились как дети!

Судья Стивенс, ценя этот редкий талант, положил в Кампус-сити и окрестностях легкий налог в пользу пробирной палатки. С этого времени каждое воскресенье после проповеди судьи Стивенса в местной церкви старатели несли свои находки к Николсу. Он брал очередной самородок, тер об жилет и нюхал. В этот момент городок замирал, как под утро после всеобщей выпивки. Чаще всего население, собравшееся у одного из лучших коттеджей города на Мэйн-стрит, в трех шагах от мэрии и шерифни, ждало разочарование. Николс поднимался во весь рост, красиво зажимал нос большим и указательным пальцами правой руки и произносил что-то вроде: "Ну, ребята, вы неправы! Это не золото, а другое, совсем другое!.."

Но бывали и счастливые для городка дни, в которые Николс после краткого обдумывания выносил из дома пузырек с надписью H₂SO₄, казавшейся простодушным старателям каббалистической. Иные даже/утверждали, что именно после капли этой жидкости камни превращаются в золото, и пытались задобрить пробирщика. Для этого они поили его чаем, ромом и скармливали массу сладких пряников. Это мало помогало. Но иногда Николс громко провозглашал: "Золотишко - дрянь, но намазывать можно!" Тут начиналось общее веселье. В эти дни даже Толстуха Джейн снисходительно смотрела, как Николс после 6-й "тройной" приводил в салун бычка и вместе с желающими кидал в него ящиками из-под пива и виски, пока тот не вспрыгивал на рояль. Обычно тут немного стреляли. Джейн в такие дни всегда удваивала цены на выпивку, девочек и за разбитые зеркала.

23/IV-1985

МИССИС ПРЮДЕНС И ЕЕ КОЛЯСКА

Миссис Прюденс была несколько аристократична для Кампус-сити. Муж ее был мельник, а отец имел кирпичный завод в столице штата. Первый был одним из почтенных лиц города -благодаря второму. Миссис Прюденс никак не зависела от того, насколько удачным был сезон у золотоискателей. Выйдя замуж, она первым делом завела коляску типа ландо, запряженную двойкой. Потом она сменила четыре квартиры, т.е. перепробовала весь жилой фонд городка, сдаваемый в аренду, пока, наконец, не отстроила свой коттедж напротив церкви.

Независимость и любовь к катанью на коляске, правил которой ее муж, мельник, создавали для нее массу проблем, но она стойко переносила неприятности. Судья

Стивенс считал, что катанье в ландо в то время, когда ряд индейских детей еще не овладел библией, а часть населения городка оторвана от мировой культуры, есть гордыня, и даже глухо намекал на развращенность ' жителей столицы штата. А она продолжала кататься не только по : праздникам и воскресеньям, но и в будни, отвлекая мужа своего, мельника, от важной для города деятельности. Судья стал поговаривать о налоге на ездовых лошадей и колеса - телеги и фургоны в качестве средств труда налогообложению не подлежали. Билль затух в результате тонкого маневра Миссис Прюденс, сообразившей, что нельзя переходить определенные границы. Она стала доставлять судью Стивенса и еще двух-трех именитых жителей Кампус-сити в церковь, а также на пикники не遠далеке от городка. Это вызывало слабые протесты мужа ее, мельника, который не успевал ни помолиться, ни перекусить, поскольку был все время при лошадях.

Гостеприимство снискало Миссис Прюденс добрую славу, но затрудняло жителей поиском адекватных форм ответных приемов - такие пышки были только у нее и ее мужа, мельника. Зато Прюденсы быстро сдружились с семьей разбогатевшего, скотовода Капитано, чья жена божественно жарила барашка. Общность их интересов подкреплялась мечтой о мосте через речку, построенному из кирпичей ее отца, по которому бычки и овечки будут бодро шагать к известному финалу, не замочив ног. Кто бы мог подумать, что вскоре ее поездки по городку и окрестностям приведут к невероятному скандалу.

Катастрофа произошла на боковой дороге через луг к реке. Стадо овечек размесило эту глинистую колею после дождя в субботу. На хорошем ходу вниз к броду муж Миссис Прюденс, мельник, поздно заметил это стадо и уже не мог затормозить на мокрой глине. Опуская ужасающие подробности этого первого в истории города ДТП (дорожно-транспортного происшествия), скажем, что пострадавший барашек к вечеру был съеден, а салатное платье удалось отстирать от глины. Но Миссис Прюденс потребовала удаления невымытых животных с тех дорог, по которым ездят люди, форма заявления была категорична! Оно было сделано на следующий день в церкви при всем народе. Добрый скотовод так опешил, что сказал что-то невразумительное насчет "любви иных к шашлыкам". Весь город пытался спасти положение, указывая обоим на малость потерь и проблем. Но через два дня у ландо полетела рессора, причем там, где бычки Майкла Капитано раздолбали копытами дорогу. Майкл от огорчения перестрелял и распродал за бесценок целое стадо бычков, в наряде Миссис Прюденс появились шкуры и перо на шляпе, а ее муж, мельник, уехал за рессорами в столицу штата. На городок опускались тучи гражданской войны.

Тяжелое ожидание кровавого конфликта между Миссис Прюденс, с одной стороны, и скотоводом Майклом Капитано, с другой, взволновало жителей. Судья Стивенс оказался между двух групп лоббистов. Одна утверждала, что город Кампус-сити построен для счастья его обитателей: "Скотов изгнать!" Другая группа пыталась доказать, что молоко, мясо и шерсть стоят некоторых неудобств. Судья начал было

склоняться к первой группе, рассуждая о вреде мяса и убийства животных. Но шериф вовремя указал ему на: а) доходы от скотоводства, б) пользу органических удобрений и в) необходимость демократической процедуры. Судья послал его выяснить условия сторон.

Оказалось, что Капитано требует извинений в церкви, колокольчик на ландо для предупреждения животных о приближении Миссис Прюдэнс и ее мужа, мельника, но готов дать денег на улучшение основных дорог городка. Миссис Прюдэнс потребовала символического возмещения убытков ("я и так не бедна!") и удаления рогатого скота с ее любимых прогулочных дорог, но неожиданно согласилась на колокольчик, срочно заказанный за счет города в Чикаго. В очередное воскресенье толпа притиснула обоих поближе друг к другу на пороге церкви - галантный Майкл не мог не поцеловать ручку - Миссис Прюдэнс сочла рукоцелование за возмещение, а он за ее извинения. Дороги были улучшены, а колокольчик стал местной достопримечательностью. Больше всего были удивлены индейцы - лошади, дороги и колокольчик казались им наказанием за грехи. Вновь стали набирать силу шаманы.

ТОРГОВЫЙ ГРЕК

Предки Геракла Садзитакиса не жили в Греции со времен Юстиниана II (527-565 г. н.э.). Но он не порывал духовную связь с родиной и писал на древнегреческом гекзаметром в подражание древним. В Кампус-сити он прибыл, чтобы заработать на борьбу с султаном. Мыть золото ему было скучно - так что он быстро разбогател на торговле шанцевым инструментом, солонине и прочих, потребных для старателей товарах. Судья Стивенс старался не замечать коммерческой стороны жизни грека и глубоко уважал его за знание древнегреческого. Тот иногда читал судье свои стихи гекзаметром, которые он печатал в Швейцарии (Греция еще не была освобождена) в научном журнале "Эллада: от Милета до Сиракуз".

По вечерам грек втайне от судьи держал подпольную рулетку, замаскированную под "оптовый склад". Геракл стал бы миллионером, если бы не стихи и не любовь к играм. Нет, он не проигрывал в рулетку - это теоретически невозможно. Но он непрерывно играл в кости (на 5 костях - в покер). Даже с покупателями в свободную минуту он бросал кости и часто проигрывал, хотя из осторожности играл "по маленькой". Тогда он очень нервничал, сердился, давал зарок бросить игру, но не мог устоять перед соблазном. Судья же так и не смог разузнать, кто занес в городок заразу азартных игр. Только судья покончит с преферансом - тут покер, потом нарды и еще какие-то древние игры. Сам судья Стивенс считал моральным играть на деньги только в шахматы, так как выигрыш там зависит не от случая, а от ума и образования. Во всех остальных отношениях грек был образцовым жителем Кампус-сити: собирал кило моркови, жертвовал на церковь, посещал проповеди. К добыче золота он относился несколько покровительственно: как пчела к цветку. И все же судья часто укорял грека за некоторую сухость. Тот никак не мог полюбить индейцев - они вечно

попрошайничали и не хотели ничего слушать по-гречески. Еще его раздражал городской сумасшедший, который тоже все пытался разжалобить его своим бесконечным: "Гелякл, а, Гелякл, дай сахелю и папилеску". Зато грек очень любил посещать городские собрания, где поднимал вверх указательный и средний палец, когда хотел выступить. А в речах он часто вставлял греческие слова: "демос", "остракизмус", "патриархус". Он даже сделал доклад, в котором доказывал, что Кампус-сити - это полис, жители - граждане, площадь у церкви - агора, доллар - меньше талана, судья Стивенс - Демосфен! Судья умилялся также незлобивостью характера грека - самое страшное ругательство, которое тот употреблял: варвар! Как это было приятно слышать после площадных выражений старателей.

Восхищение же грека судьей восходило к одному замечательному случаю. Однажды судья зашел в лавку грека купить чесноку на пятнадцать центов и увидел кости. Он вежливо осведомился о том, что "это" такое, как в "это" играют, можно ли ему "попробовать". Потом судья выложил большой стрит, несколько каре на маленьких и, в заключение, три покера подряд на шестерках, поблагодарил и откланялся. Грек был так поражен, что впервые в жизни не взял деньги за чеснок. Судья больше никогда не брался за кости в присутствии грека, но тот надеялся как-нибудь сыграть с судьей.

25/IV-1985

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УВАЖАЕМЫХ ЛЮДЕЙ КАМПУС-СИТИ

Несколько жителей заняло заметное положение благодаря оригинальности своего образа жизни. Например, Майкл Капитано снабжал за свой счет сахаром и другими вест-индийскими товарами, а также пряниками городскую кооперативную чайную. Благодаря этому, чайная стала признанным местом душевных бесед судьи Стивенса с обывателями, детских и дамских утренников. Судья регулярно отмечал добрейшего Майкла в церкви.

А у китайца Чена были голубые глаза. Китайцем его звали за трудолюбие.

Проникшись однажды идеей огородничества в районе золотых россыпей, он умел даже судью потрясти трудолюбием и духом нестяжательства. Он растил рис! Он работал как китаец все короткое лето и что-то готовил всю длинную зиму, снимая два урожая примерно по мере каждый. Это был подвиг духа и тела.

19

Никто никогда до него не мог вырастить и горсть риса в этом климате. Каждый праздник урожая осенью судья произносил прочувствованную речь о двух мерах риса! Вы только подумайте, он бы при его трудолюбии озолотился, а он берет только самородки с рисовых полей - не больше 3 в год! - говорил судья. Китаец Чен очень стеснялся и предпочитал спрятаться куда-нибудь. Чаще всего видели его в шерифне, где хозяин офиса поил его пивом и уговаривал плюнуть на рис и взяться за ум.

"Входи, - говорил шериф, - со мной в долю: твой труд, мои административные идеи и кредит. Поставим драгу и тряхнем золотишко - хватит на изменение климата, тогда и рис будешь сажать!» Чен и тут стеснялся, обещал подумать, но через год опять приносил в город две меры риса.

Среди новых жителей городка был и Боб Голдсмит - сын уважаемого Блэксмита - жителя столицы штата. Судья знал в свое время отца и, как это с ним бывало, уверовал, что сын наверняка очень добрый, способный к выращиванию овощей мальчик. Тот действительно был хорошо воспитан и выполнял все предначертания судьи Стивенса по части огородов, церкви и т.п. Все свободное время он мыл золото. На добытое он покупал новые инструменты и снова шел мыть золото. Судья этого не замечал и не раз отмечал его в церкви как скромного молодого человека, который обещает со временем превратиться в морального столпа общества.

Горячие проповеди посвящал судья греху ростовщичества. Вторжение золотого песка в качестве местной валюты в свое время огорчило его до последней степени. Однако после мятежа старателей, смены вице-губернатора и других неприятностей вроде постоянных стычек с индейцами он все более отступал от формальностей. Главное - это жить по-божески, помогать друг другу добровольно и не эксплуатировать никого, кроме индейцев и старателей. Поэтому на создание и расширение торговой фирмы Геракла Садзитакиса он, в сущности, не обратил внимания - через год она процветала. Судья лишь жалел, что почтенного грека все труднее было затащить на молитву - у того было много дел. Гораздо больше судью огорчило поведение Тома Найденыша, которого он когда-то нашел, выкупил из рабства и воспитал. А тот посвятил свою жизнь варке браги в лесу. Особенно тяготила городок затяжная борьба Миссис Прюденс и Майкла Капитано. Хотя гражданская война в свое время была предотвращена, их дружба начинала восстанавливаться каждый год лишь на день Благодарения. На Рождество их было уже не разлить водой, но летом!.. Каждый июнь что-нибудь отлетало на знаменитой коляске - по правде сказать, дороги были вообще плохие и овечки Майкла, скорее всего, были тут ни при чем. Но Миссис Прюденс вновь жаловалась судье, а Майкл вновь начинал намекать, что коляска - это роскошь, а не средство передвижения. Судья мудро давал конфликту иссякнуть самому по себе, подсылая к обеим сторонам по очереди шерифа.

Что было с добрым сердцем судьи Стивенса, если бы он узнал, о чем совещаются темными вечерами в задней комнате лавки Геракл Садзитакис с М. Капитано и Л. Прюденс целую зиму по пятницам! Да, так вот самые доверенные и близкие к духовному вождю люди (в истории масса примеров) отходят от учения. Они собирались организовать БАНК! Капитано нужен был сезонный кредит, Миссис Прюденс имела лишние деньги и могла его дать, грек имел все и нуждался во всем. Банк, в сущности, работал тайно - Геракл давно ссужал старателей инструментом под известный одному ему процент. Но легализоваться было страшно - вдруг судья и вправду проклянет! И пока торжествовал клиринг: песок на лопату. Времени с декабря

по май было мало для Миссис Прюденс и Майкла, чтобы уговорить подозрительного грека создать банк - он все боялся, что его надуют при дележке банковских акций и т.п. А в июне у коляски отлетали крылья!

28/VI-1985

МАККИНСИ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО

Судья Стивенс и бородатый Джон Маккинси имели общее увлечение - механическое пианино. В городке их было три: в салуне, в доме у судьи и в церкви. Бывало, запрутся в церкви вдвоем после воскресной службы и слушают любимые валики раза по три - до очистительных слез! Меняя валики, они поглаживали лакированный бок источника музыкальных наслаждений и толковали о смысле... Джон без спешки развивал теорию счастья как соотношения приятных и неприятных ощущений.

Их интенсивность и продолжительность, считал он, не должна превышать определенной величины, чтобы не приедаться. Зато вероятность приятных можно повысить с помощью умеренности. Ах, как это тонко! - отвечал судья. Именно философу Джону мог пожаловаться судья на то, что не может минимизировать затраты своих душевных сил (как большинство людей) - чувство долга, ответственности и другие моральные принципы не позволяют! Судье приятно было видеть такого понимающего человека. Не раз и не два во время проповедей он восторгался отсутствием материальных потребностей у Маккинси и назначил его церковным старостой (без жалованья).

Бородатый Джон целиком уверовал в садоводство в районе золотых приисков и посвятил себя поиску морозостойких ягод. Доход это давало небольшой, но судья платил ему еще 5 дол. в неделю за исполнение обязанностей городского географа. Все эти деньги и наследство Джон тратил на опыты по акклиматизации манго, покупку валиков для механического пианино и самоусовершенствование. На опыты его подтолкнул сам судья, считая эту задачу достойной только такого божьего человека, как Джон. Ведь Джон отказался даже от заманчивого предложения открывать бутылки в салуне Джейн за 3 доллара за каждый вечер!

Одной из самых сокровенных задумок судьи была акклиматизация манго в Кампус-сити. Казалось, невозможно было даже мечтать об этом как коротким летом, так и зимой при 30° ниже нуля по Сентигрейду. Но мечты судьи не зависели от погоды и других второстепенных факторов. "Мы уже обеспечены (трудами праведников) морковью, свеклой, а также двумя мерками риса в год, хотя на свое... мы можем купить ананасы", - говорил он. Он призвал местную молодежь найти себя в садоводстве: "Манго очень полезно вместо пива. Надо лишь взять местную морозостойкую ягоду, например крыжовник, и привить ей сладчайшие черты ее южных собратьев".

Розовая мечта - манго в сугробе - согревало очерстевшие сердца старателей и

местных обывателей. Сами они за годы жизни в Кампусе разочаровались в столь многом, что даже завидовали тем, кто еще мог искать себя... Практичный грек наладил доставку винограда и фруктов в салун и торговлю изюмом, что несколько коробило судью: с одной стороны, все же фрукты, а с другой - "привозные" и "за деньги". Зато это стимулировало старателей, которые могли, например, с веточкой полупрозрачных ягод винограда (фунт золотом) зайти в цветочный магазинчик, купить фиалок и как бы невзначай угостить обворожительную хозяйку.

Все так бы и тянулось вечно, если бы не сильные чувства, свойственные цельным натурам. Вдруг все переменялось - Джон женился на осиротевшей дочери вождя и сам стал вождем племени! Чувство ответственности разрушило его состояние постоянного душевного комфорта - он полюбил новые удовольствия, в частности роль подателя земных благ. Все племя для начала надо было обуять, потом дать каждому по букварю, отучить от браги Тома Найденыша и скальпирования прохожих. Жалованья географа, наследства и доходов от лесных ягод, собранных в ходе экспериментов по акклиматизации, едва хватало на х/б пончо для женщин племени. Не стало и времени на воскресные концерты у церковного пианино - надо было учить племя грамоте по ланкастерской системе. Намеки Джона судье на положение в племени возымели немедленное действие - судье было почти не свойственно чувство скупости как таковое - и жалованье географа было увеличено сразу на 20% - до 6 долларов в неделю! Судья Стивенс страдал от того, что действия субъектов характеризуются инерцией. "Нельзя повысить жалованье просто так - ведь манго-то все еще не растет, - вздыхал он, - вот принесете местное манго, и никто не упрекнет меня в разбазаривании городских фондов, если я повышу Вам, Джон, жалованье до 7 или даже 7,5 долларов в неделю!"

Судье Стивенсу скоро стало скучно в Кампусе - не с кем было поговорить вообще. Попытки пофилософствовать с шерифом кончались как-то странно - того немедленно вызывали по срочному делу: то в салуне драка, то индейцев заметили, то еще что-нибудь. Молодежь городка с третьей фразы начинала вежливо наводить справки о том, где мыл золото в молодости сам судья, - такая скука для интеллигентного человека. Новые валики он слушал на дому, ведь Равель и Хиндемит сложны для рядового прихожанина. Он даже начал подумывать о том, чтобы подарить церковное пианино джонову племени. Некоторое время ушло на борьбу между чувством благородства, возникающим при намерении подарить, и неприятным ощущением от расставания с привычной вещью. Идею судья оставил только тогда, когда прошел слух, что Джон начал мыть золото.

30/V-2/VI-1985

РЭЙЧЕЛ В КАМПУС-СИТИ

Приезд Рэйчел в Кампус-сити был большим праздником для его обитателей. Она прилетала несколько раз в год, но ненадолго - навестить свою сестру Джейн.

Поскольку она была любимицей губернаторской семьи и ей даже доверили воспитание их 18-летнего сына, то к "этой ужасной" Джейн она ездила тайком в сопровождении кого-нибудь из надежных людей: офицеров драгунского полка, чиновников и т.п. Один раз она даже привезла настоящего банкира из соседнего штата, который дал подробные разъяснения греку о сути коммерческого банка прежде, чем гостя выкинули из городка. Увы, эта сторона ее посещений очень пугала доброго судью Стивенса - он бы предпочел, чтобы она приезжала с монашками. Ведь всех ее сопровождающих мужского пола выбивали из Кампус-сити самое большее в три дня. Обычно ее заезд начинался с того, что она в шляпе и темном платье, надетом на мальчиковый костюмчик, появлялась у дверей салуна и просила Джейн приютить ее на неделю, чтобы она могла отдохнуть от ужасов столичной жизни и здесь, в этом покойном уголке, могла бы забыть о прошлом. Выход замуж кота-то, как преступление, волновал ее всю жизнь. Со слезами раскаяния Рэйчел сообщала сестре о перенесенных ею за последнее время страданиях и о том, как трудно удержаться в любимицах у губернаторши. Сопровождающий с улыбкой самодовольства вносил чемодан. Бедняга, о нем вспоминали только к вечеру, когда все столичные кости были перемыты в будуаре Толстухи Джейн. Опытная Джейн продемонстрировала молодому человеку легкий флирт, давала два фирменных "тройных" за счет салуна, и через час он уже играл в бычка или исчезал в каморке отсыпаться. На другой день сестры объясняли ему, что Рэйчел здесь инкогнито, что он лучше пусть попробует намыть немного золота на обратную дорогу. Из будуара продолжалось щебетание, в котором можно было различить и голос Миссис Прюденс - подруги детства Рэйчел - и мадам Николс. В иные дни заглядывала и прекрасная цветочница. Всех особенно интересовали новые модные танцы - за шляпками местные дамы и так успевали следить!

Дело в том, что Рэйчел, сублимируя неистраченную энергию, организовала кружок молодых замужних дам под девизом: "Умрем от скуки, но в расцвете красоты!" Губернаторша выколотила из мужа разрешение использовать для их занятий зал заседаний Сената штата. Два раза в неделю самые хорошенькие дамы города собирались для совместного времяпрепровождения. При посещениях губернаторши или мужчин (последнее бывало только на показательных выступлениях) исполнялись венгерские и виргинские танцы. Для себя они танцевали что-то, что они считали похожим на индейские танцы. Наряды для них шились предположительно дикарские. Последнее особенно волновало драгунских офицеров, которые, обзаведясь биноклями, располагались во время занятий напротив Капитолия на крыше местного собора. Мзда настоятелю вскоре составила основную сумму дохода храма, а дамы скоро как два года не могли поверить в предательство святых отцов.

Одна из основных целей посещения Рэйчел Кампус-сити и состояла в том, чтобы опробовать в салуне новый танец и позаимствовать что-нибудь из местного фольклора. Весть о приезде Рэйчел разносилась барабанами, и к вечеру второго дня

салун был полон. После обычных интермедий Рэйчел не выдерживала, встряхивала кудрями, сбрасывала плащ, отстегивала кольт от бедра и исполняла пару коронных танцев. Тут обычно немного стреляли. Попытки заезжего кавалера привлечь к себе ее внимание кончались тем, что привлекали внимание кого-нибудь из местных танцоров, и он кивал Горилле Сардженту. Тот, чувствуя свою ответственность перед Кампус-сити, примерно за 40 минут доводил приезжего до истерики разговорами об индейских способах поджаривания городских пижонов. Редко кто из них решался потом заночевать в городке, а один, особенно настырный, был, говорят, списан за счет гуронов - Рэйчел была безутешна среду и четверг.

Дамы Кампус-сити многое переняли у Рэйчел, хотя в маленьком городке слишком мало свободного времени и так много дел, чтобы достичь той же степени совершенства. А сама она, проверив на публике в салуне уровень восхищения, задерживалась на некоторое время в этом милом местечке, где у нее было столько старых друзей.

Судья Стивенс никогда не ходил смотреть на "это" - он любил рано ложиться спать. Неожиданное оживление в городке нервировало его, а известие о женщине, танцевавшей в джинсах (!), просто шокировало. Кроме того, он боялся репрессий со стороны губернатора за то, что он приютил в Кампус-сити святую женщину Джейн. И он категорически отказывался верить в то, что заезжая "танцовщица" имеет к ней какое-либо отношение. Это позволило ему однажды даже поклясться у губернатора, когда его вызвали после исчезновения одного молодого чиновника для особых поручений при губернаторе, не вернувшегося из служебной командировки. Он сказал: я помню этого милого молодого человека, большого ума при некоторой нетерпеливости (когда я рассказывал ему об истории Кампус-сити). Возможно, один из его порывов привел его к мысли пожить среди индейцев - он, несомненно, представит со временем прекрасный доклад.

28/IV-1985

МА'АМ БЭККИ И КЛЕО

Пролог из времен Гражданской войны

Безмятежно текли дни в огромном поместье чуть севернее Нового Орлеана. 120 счастливых своим патриархальным рабством негров обрабатывали 800 акров хлопчатника на берегу Миссисипи. Дети представляли себе мир как различие теплого и жаркого, бананов и ананасов, балов и барбекью. У старого судьи Тэтчера была дочь Ребекка - вся в мать, французенку голубых кровей. Она имела лихость кончить колледж, где выскочила замуж за северянина, который оказался аболиционистом. Чего только не случается с человеком в рабовладельческих штатах от чрезмерно тепличного

воспитания!

Гражданская война разорила эти края, разбросала членов семьи, бросившихся в бой с нашествием северян. Тэтчеры перебрались в Новый Орлеан, но их дочь так и не обнаружилась. Да они и боялись искать ее, т.к. ее до сих пор не могла найти военная полиция. В разгар войны Ребекка уж очень активно действовала против северян. Ее главный подвиг и стал причиной ее исчезновения: она проникла в тыловой форт и взорвала все боеприпасы артиллерии армии северян, лично затянув войну на полгода. Это принесло Тэтчерам как славу мучеников во имя южного дела, так и массу неприятностей в дальнейшем от этих мужланов с севера.

Ребекка была схвачена и отдана под охрану уланам, чтобы ее сразу не расстреляли артиллеристы. Это было ошибкой командования форта. Той же ночью молодой капитан улан снял часового, принес ей лейтенантский мундир, и они скрылись. Правда, через день тело капитана-кавалериста было найдено в 20 милях от форта. Видимо, он не справился с лошастью в ночной скачке и разбился так, что некого было предать суду полевого трибунала. Ребекка исчезла! Да, судьба ее мужа, аболициониста, была настолько плачевна, что позавидуешь капитану улан.

х х х

Кампус спустя годы

События в Кампус-сити шли своим чередом. История, рассказанная в Прологе, не имеет, разумеется, никакого отношения к прекрасной цветочнице. Ее магазинчик давал копеечный (с ее точки зрения) доход, да и то лишь потому; что старатели приходили в него как в музей. Все это казалось нереальным в суровом климате Кампуса. Он напоминал скорее оранжерею цветов долины Миссисипи - большинство из них нельзя было даже вынести на улицу. Но старатели охотно платили золотым песком за экзотические цветочки, т.к. и огрубевшие души, как неоднократно справедливо замечал судья Стивенс, нуждаются в счастье и утешении. Хозяйка же цветочного салона, стоя среди орхидей, заставляла поверить в рассказы судьи Стивенса о существовании рая после смерти. Лавка, надо сказать, порядочно нажилась на цветочном буме, охватившем городок в эпоху романа Вирджинии и Гориллы. Хозяйка магазинчика превосходно ладила с судьей Стивенсом. Иногда она даже рассказывала ему интересные случаи из практики "одного своего родственника-судьи". С ней же судья мог поговорить о воспитании детей (у нее дочь воспитывалась в пансионе где-то на Юге страны). Вообще в ее присутствии судья чувствовал себя допущенным в высший свет, стеснялся и сидел на краешке стула. Он хотел бы расспросить ее о прошлой жизни, но опасался нарушить свой покой. Предметом зависти других дам местного бомонда была ее верная служанка Бэки Клео (Клеопатра). Было понятно, что она следует за хозяйкой много лет, а ее характерный

южный выговор указывал на южные штаты. Многие старатели, особенно свободные от расовых предрассудков, считали Клео самой красивой женщиной городка (44- 36-48 дюймов). Попытки нескольких местных негров предложить ей свои руки и сердца успеха не имели. Именно ее выражение "Ма'ам Бэки" и стало характерным, когда о цветочнице говорили в ее отсутствие. Вообще негры обожали Бэки и при виде ее на улице кланялись и замирали так, будто она их гипнотизировала. Похоже, внешность, говор и манеры Ма'ам чем-то неуловимым (для остальных жителей) напоминали неграм счастливые времена, когда их кормили три раза в день и не было необходимости работать по найму. А какой потрясающе колоритный контраст составляла Клеопатра своей госпоже, когда они прогуливались по Мейн-стрит. Только представьте себе: миньютюрная Бэки с мраморно белым лицом - в голубом платье - и величественная Клео с медным отливом черного лица - в красном! Эх, не бывали вы в Кампус-сити!

Бесплодность ухаживаний как негров, так и старателей за бесподобной Клео имела на самом деле более важную причину. Она обожала китайца Чена. Полюбила она его за муки по выращиванию риса. Этой работой он был так изможден, что Клео старалась его подкормить. Он стеснялся этой привязанности и грубых шуток старателей, но постепенно привыкал к жаркому "де Саванна". Уж как Толстуха Джейн пыталась перетащить Клео к себе поварихой! Тогда она убила бы трех зайцев сразу: принимала бы в салун поклонников как кулинарного таланта Клео, так и ее своеобразной внешности, а заодно и избавилась бы от прозвища "Толстуха". Но Клео хранила верность госпоже, какой теперь уже не увидишь Бывало, готовит для Ма'ам ее любимый завтрак: крошечные ананасы и бананы с шоколадом в мороженом и бормочет про себя: "Як був? Хиба ж вин такий худий!"

Бэки жила за Клео как за действительно каменной стеной. Лишь заметная скука и скрытая тоска по прошлому, неизвестному никому из жителей городка, мешали ей наслаждаться жизнью. Возможно, она несколько встряхивалась при своих поездках в столицу штата и на Юг страны, но ее деятельной натуре претила сонливая атмосфера Кампус-сити, нарушаемая лишь стрельбой старателей по индейцам да сизифовым трудом судьи Стивенса по моральному переустройству мира. Может, она и могла бы положительно повлиять на жителей, но держалась на расстоянии от судьи - уж очень он не любил рабовладения, полагаясь исключительно на духовные узы. Бэки с удовольствием встряхнула бы городок при случае, чтобы несколько оживить здесь светскую жизнь. Но для этого нужен был подходящий случай - не могла же она утруждать себя, как судья Стивенс, черной работой.

Не одобряла Бэки и индивидуализма старателей. Ну что они суетсяя! Все равно добывают гроши - больше пропивают. Никто из них не мог бы на свое золото отстроить "Мон бижю" так, чтобы стерлись следы нашествия северян. Потом они были столь малообразованны, что беседа с ними быстро сводилась к одному и тому же: золото да судья Стивенс, судья Стивенс да золото... Она оживлялась лишь по

праздникам, любила балы и особенно маскарад, на который как-то появилась в роскошном мундире лейтенанта улан, что шокировало Миссис Прюдэнс на неделю. И судья Стивенс, и старатели - все они бы до смерти обиделись, если б знали, о чем думает и мечтает Ма'ам Бэки. Дело было даже не в том, что ей было безразлично как золото, так и всеобщее равенство. Скажем по секрету, она вообще не жила в этом Кампус-сити. То есть она мыслила о себе, живущей фактически в этой глухомани, как о "ней": "ей надо пойти к Джейн, поговорить с судьей, она не права и т.п.". Себя же настоящую, свое истинное "я" Бэки воспринимала только в контексте воспоминаний или мечты - у нее было достаточно богатое воображение: "Мон бижю, моя дочь, мне принесли записку в букете роз, я села на коня, я разрядила в него мой карабин и т.п." - вот был ее истинный мир. На поверхности двойственность ее отношения к миру отражалась лишь в чрезвычайной задумчивости, сводившей с ума местных кавалеров. Она проговаривалась лишь Клеопатре: "Помнишь, Клео, мою белую Розочку, пальмы за домом, вечернюю жару у зеленой реки?.. Быть может, со временем мы еще вернемся туда". - "Ах, Ма'ам! Насколько Ваши кавалеры в Новом Орлеане были благороднее и изящнее, чем здесь, - вздыхала верная Клео. - Пожалуй, китайца Чена можно будет взять с собой - рис теперь в цене!".

23/VI-1985

АМАЗОНКА САЛЛИ

Дорогим гостем прилетала в Кампус-сити Салли Оникрафт. Ее маленький двухэтажный домик (3 тыс. кв. футов) стоял недалеко от городка посреди ее 60 акров медоносов, на которых она разводила диких пчелок. Сам губернатор очень уважал ее и часто посылал к индейцам по важным делам. Выучив все местные диалекты как злых гуронов, так и добрых томахан, она разъясняла местным племенам преимущества пчеловодства по сравнению с охотой. А когда губернатор ездил в Европу, переводила ему речи на все живые и шесть мертвых языков.

Свою дочь Салли воспитывала скромно, но прочно. Балет, чтение папирусов, стрельба из всех видов оружия (от лука до митральезы), фигурное катание на пони.

Необходимым элементом был и производительный труд - каждое божье лето с 6 лет девчушка мыла золото со старателями и зарабатывала больше, чем родители на своем липовом меду.

Все семейство пользовалось большим уважением индейцев. Салли учила индейских детей грамоте, вождей племени - дипломатии, а их жен - хорошим манерам. В стрельбе из лука она не знала себе равных в округе и однажды даже выиграла у гуронского вождя племенной тотем - хвост енота (его скво была очень недовольна). Во время 1 индейской войны Салли по поручению губернатора объезжала становища гурунов и уговаривала их зарыть в землю навсегда свои томагавки. "Белый человек, - говорила

она, - не враг красному человеку!" Увидев скальпы у костра, она довела до слез раскаяния суровых гуронских вождей. А жителей Кампуса уговорила подарить добытые ими скальпы этнографическому музею. В лесу не проходил ни один съезд племен, на котором не выступала бы Салли на тему об эволюции этики от каннибальства до варварства.

Салли редко бывала в Кампус-сити - ей было безумно некогда: окуривание пчел французским перфьюмом, сбор меда, мытье золота и т.п. Массу времени отнимали поездки в столицу штата, где губернатор со всеми своими вицами очень скучал без нее. Но особенно неохотно она ездила в Европу: далеко, шумно и невероятная архаика! Она бы предпочла побыть с дочкой у ручья или посетить истинный культурный центр - Кампус-сити, послушать проповедь судьи Стивенса и выпить стаканчик молока в салуне. Но что поделаешь! Но она никогда не забывала прихватить из Европы учебники церковнославянского языка для гуронов, а ливры-талеры тратила на конфеты и новинки оружия для дочки.

Изредка, пока дочь мыла золото, Салли могла себе позволить посидеть полчаса за чаем у Майкла Капитано. Он держал для нее специальную чашку, медовый пряник и не реже двух раз в час с надеждой выглядывал из окна: не виден ли бешеный галоп знакомого пони (второй - в поводу). Бывало, она подлетит к церкви или чайной, с очаровательной улыбкой вложит повод в руку молодого опешившего старателя и впархивает в помещение. В течение получаса все присутствовавшие получали свою порцию обещаний: все были "замечательные", одеты - "изумительно", а душевные качества и цвет лица - "превосходны"! Чай был таков, что не подавали "и в Китае", где она бывала по делам. Каждому уделялось не меньше двух минут. С Николсом Салли обсуждала ход пари: кто больше намоет золота в единицу времени. Майклу сообщала о достижениях в области выращивания пестрых овец в Новой Зеландии. Шерифу она привозила журналы с судебной хроникой Парижа, а судье Стивенсу - ноты модных хоралов. Теме торговли медом и золотом она могла уделить целых 5 (!) минут. И, посылая на лету рой воздушных поцелуев, исчезала на очередное важное мероприятие: диспут с главой секты мормонов о сущности брака. Тут же в чайной она набрасывала колонку новостей, которую вела для "Монд" под псевдонимом "Старый Гурон".

Из-за спешки Салли никак не могла включиться в жизнь бомонда - у нее не было ни светских новостей, ни времени для обедов и пикников. Она не пила шампанского и даже выскакивала из-за десерта: "Ах! Я совсем забыла - у меня золото недомыто". Зато Салли успевала попасть в церковь - как раз к благословию, к индейцам - предотвратить набег, на ручей - поднять самородок, к губернатору - на бал, а посещение ею Гавайев обычно сопровождалось извержением вулкана. Подозрение в желании выделиться очень ее огорчало: "Я всегда верила, что все замечательные. Нет! Я всегда верила, что все замечательные. Нет! Я никогда не научусь разбираться в людях!" Вера в исконную доброту и разочарование роднили Салли с судьей

Стивенсом. Он полюбил бы ее как дочь, если бы она хоть раз задержалась у церкви дольше, чем на пять минут.

16-21/V-1985

СУДЬЯ СТИВЕНС ИИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕСТНЫХ НАЗВАНИЙ

Судья Стивенс появился в здешних местах задолго до первых старателей, и его всегда звали судьей. Настоящая его фамилия не представляла интереса для позднейших обитателей городка, большинство из которых сами не искали встречи с агентами Большого Белого Отца. Судья имел обыкновение переименовывать индейские названия ручьев и гор на техасско-калифорнийский манер, что позволяло местным сплетникам гадать о том, что же такое натворил в молодости наш судья в южных краях.

Он был старше всех жителей городка, но вовсе не стар. Просто они приходили на берега озера Оупенвотер и кучи рек и речонок, в него впадающих, юными и алкали золота, славы и любви. А он уже был здесь и учил их закону и порядку. Он один в Кампусе помнил наизусть библию. Когда очередной грешник пытался оправдываться перед судьей, он поднимался и, почесывая бороду, говорил: "Я привык думать: в Книге сказано, что убивать белого человека за 5 долларов грешно!" Виновный затихал, опускал голову и начинал раскаиваться... Тогда удовлетворенный судья заканчивал: "Иди и больше не греши!" Только благодаря мудрости судьи Стивенса городок не погряз в разврате, убийстве и воровстве. Авторитет его был непререкаем для всех, кто хотел спокойно жить в Кампус-сити, ходить в салун, менять в лавке местного торгового грека Геракла Садзитакиса свое золото на порох, виски геркулес.

Всем был хорош судья Стивенс, но и у него бывали тяжелые денечки, особенно в апреле, когда витаминов у жителей Кампуса не хватало. Иногда он чего-то пугался, забирался в мансарду своего коттеджа и начинал стрелять из двустволки вдоль Мэйн-стрит. Бывало, что и на церковном пороге кого шлепнет из нерасторопных новеньких. Тогда город замирал, а потом посылал к нему либо добряка Майкла с больной овцой, либо Бэкки в ее самой большой розовой шляпке. Судья однажды, правда, прострелил ленточку на ее шляпке, а в другой раз - пришел безнадежную овечку. Но обычно он затихал, начинал посыпать голову пеплом и угощать пришедших медом с молоком. Потом он обходил весь городок, извинялся за причиненное беспокойство и возмещал убытки семьям погибших.

Судья Стивенс любил все святое - сколько названий на Сан он дал индейским лесам и рекам! Например, долину, по которой шла на восток в столицу штата единственная дорога, он назвал Санрайзвэлли. А небольшой зеленый холм Енота, на котором сам когда-то подстрелил первого индейца, он наименовал Сан-Себастиан. Луговую сторону протекавшей по краю города речки Араке (индейск. - Плачущая вода) все

упорно именовали Сучьим болотом, а не Санта-Моника-Плейнз, как того хотел судья. Пожалуй, разночтениями в названиях и выявлялось определенное свободомыслие жителей Кампус-сити. Само это название было дано холму с первой хижиной, видимо, в честь университетских кампусов Айви-лиг, в которых судья не обучался.

22/IV-1985

... И БОМОНД

Судья Стивенс и уважал, и любил всех божьих тварей, включая женщин. Однако красотки, все в большем количестве слетавшиеся в Кампус-сити, его как-то нервировали. Он шестым чувством улавливал, что они идут туда не для просветления чувств на лоне девственной природы, а на тихий звон золота. Обстряпать

33

свои личные дела, наскрести мужичьими руками песочку, нарядиться и расшевелить городок - эти их простые и исконные намерения и законные желания не радовали его. Когда формирующийся городской бомонд по случаю праздника декольтировался и норовил еще вдобавок показать носочки из-под розового платья, он сказывался больным. В сущности, золото и декольте оказались при ближайшем рассмотрении взаимосвязанными явлениями. По мере расцвета городка и его золотого бизнеса уходили в прошлое эти ватные штаны и теплые куртки, эти челки и сапоги в любое время года, которые делали оба пола неразличимыми. Золото платило за декольте, декольте оплачивало каторжную работу в лесу с комарами и индейцами.

Женщины в Кампус-сити были не только прекрасны, но и сильны духом, остры на язык и самостоятельны. Они мыли золото не хуже иных мужиков, поскольку портнихи в этих местах брали по 20-30 унций за платье. Да и прочие мелочи приходилось возить издалека, даже из Европы. Поэтому мужиков ценили в городке не только за их личные достоинства, но и за добычливость и способность с толком съездить в Лондон - т.е. привезти искусственной фурнитуры для природной красоты.

Судья Стивенс, малые размеры городка и индейцы здорово мешали образованию кланов. Последние приобрели форму информационных пулов и обеденных компаний. Благодаря женщинам и городской кооперативной чайной Майкла Капитано, Кампус-сити долго обходился без газет и других изобретений цивилизации. Историческая борьба судьи Стивенса за духовное обогащение жителей городка, обогащение старателей, войны с индейцами, отзвуки интриг в столице, приезжие торговцы и возвращение кого-нибудь из Европы - все это доставляло столько новостей местному бомонду, что не было даже необходимости в междоусобной борьбе кланов. Это говорило о недостаточной социальной зрелости городка и высоком динамизме его материальной, духовной и социальной жизни.

Бомонд обожал судью Стивенса, потакал его слабостям, когда это не было связано с необходимостью жертвовать нарядами. Точнее, поодиночке дамы городка старались

показаться ему одетыми -как можно проще, лишь на парадный выход в чайную, церковь и т.п. украшали себя по максимуму. Образцами в этом

34

отношении были Джейн и цветочница Бэки - судья Стивенс старался не замечать чертовщинки, потрескивавшей в их скромных прическах, с которыми они появлялись в церкви и чайной; в салун он не ходил, слухов избегал. А главное - он верил в то, что добрые женщины не могут мыть золото или поощрять это занятие, хотя никогда не проверял своего убеждения. В результате городской бомонд обеспечивал социальное равновесие в Кампус-сити. Удачливый старатель или охотник за скальпами мог стать героем в глазах дам именно тогда, когда судья, покачивая головой, задумчиво повторял: не знаю - не знаю, хорошо ли это!

4/V-1985

... И СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ.

Судья Стивенс в молодости, похоже, общался с нигилистами. Поэтому отрицал частную собственность в принципе, проповедовал уравнилельное потребление, опрощение и демократию. Не много было людей в Кампус-сити, которые знали, что это такое -но они доверяли своему патрону. Совмещая должности мэра, судьи и пастора, он одновременно был хранителем, истолкователем моральных и юридических норм, также и фактически следил за их исполнением. Это было очень трудно.- руководить жизнью такого городка и проводить в жизнь свою мечту о демократии. Судья неоднократно заявлял в церкви, что любовь к ближнему должна сделать всех добрыми и справедливыми. Поэтому он осуждал попытки намыть золота больше среднего уровня по городку и надстройку вторых этажей в личных коттеджах. Правда, ему приходилось облагать налогами именно владельцев частных домов и старателей в пользу мэрии, шерифни, тюрьмы, почты, церкви и других городских служб. Он делал это с болью в душе, считал это временной мерой перед тем, как каждый золотоискатель начнет сам приносить весь свой песок в городской фонд для посыпания песком дорожек вокруг бывшего салуна, который будет превращен к этому времени в салон для новобрачных и бездомных.

Временно количество бездельников начинало подниматься выше критического уровня в городке. В салуне они занимали свои привычные места, ухаживали за городскими львицами, сочиняли поэмы в честь патрона Кампус-сити. Кончалось это обычно стрельбой в салуне и глухими угрозами в адрес потребителей хлеба и зрелищ. Тогда судья объявлял, что каждый может иметь свое мнение. Кто не добывает золота, тот тем более не может на нем есть. "О, - говорил он, - и последний убогий должен стремиться помочь нашему городку стать самым процветающим местом в штате, а потом в Штатах". В этой ситуации жалобы на притеснения богатеев не принимались. Неоконсервативная тенденция в городском управлении действовала недолго - ровно

столько, чтобы часть официальных пауперов отправилась рубить лес или в другие места штата для их же собственного блага.

"Мне ничего не надо, - говорил судья, - только чтобы у всех все было одинаковое, все любили друг друга и каждый день духовно обогащались". Чтобы показать пример, он, бывало, спрашивал старателя, приходившего отсыпать песку в качестве налога: что тот прочел за лето и перевел ли хоть одну индейскую старушку через ручей. Некоторые очень смущались. Судья Стивенс был против деления на высшее и низшее общество в городке, что очень огорчало все женское население Кампус-сити, которое жаждало разбиться на кланы и повести регулярную войну между собой. Женщин он тоже увещевал полюбить ближнюю и не стремиться выделиться. Его очень беспокоило падение нравов в Кампус-сити, особенно осенью, когда старатели приходили с добычей. Поэтому он так положительно встретил идею Джейн надстроить салун и повести решительную борьбу с уличной проституцией. Он даже прослезился и велел ей чаще заходить и рассказывать, как идут дела. В воскресенье в церкви он объявил: если в Кампус-сити есть хоть один божий человек, то это несомненно Джейн. Все захопало - это был один из дней полного духовного единения.

25/IV-1985

... И РЕЛИГИЯ

Вообще-то судья Стивенс был убежденным атеистом, т.е. полагал, что бога нет. Одновременно он считал, что жить надо по-божески и все соблюдать. Кротость первых христиан давалась ему с трудом, но он продолжал изучать труды отцов церкви и иногда заговаривал на малопонятных для местных обывателей языках. С горных высот он спускался неохотно - климат и жители Кампус-сити иногда раздражали его. Дела валились из рук, налоги переставали поступать, начиналась очередная свара с индейцами и т.п. Призывы помогать бедным и не есть мяса "хоть три дня" бывали обращены к пустыне, т.к. взлет его духа был плохо координирован с сельскохозяйственным годом. Тогда он шел в цветочный магазин пожаловаться на судьбу. Вдыхая розы аромат, он говорил Бэки Тэтчер: почему жители городка так не похожи на цветы, так грубы и материальны. Она наливала ему молча чашечку чая и вздыхала. Она в общем находила, что жители городка недостаточно материальны, хотя действительно ужасно грубы и невоспитанны. Судья постепенно оттаивал и возвращался к городским делам. Или же он ехал на ранчо Москитос и говорил, что его не понимают. Добрый скотовод угощал судью нежнейшей телятиной и соглашался: "Да, такова наша судьба - нас не понимают!" Судья Стивенс отдыхал душой, но старался уйти прежде, чем хозяин, разогревшись и прослезившись, намекал, что линчует каждого, кто не поймет добрейшего судью.

Отдышавшись от религиозного приступа, судья принимался за свои обычные кесарские функции, занимавшие так много времени и очень утомлявшие его. Жители

заметили, что его решения и приговоры в этот момент были, так сказать, жестковаты. К счастью, в доброте и справедливости судьи Стивенса никому в голову не приходило усомниться.

Не теряя надежды добиться всеобщего духовного совершенства, судья Стивенс внимательно следил за рвением местных обывателей по части обрядов, особенно в разделах: добровольные пожертвования и участие в торжественных песнопениях по праздникам. Он не допускал превращения пожертвований в своего рода налог - мол, заберите деньги и отвяжитесь. Это начисто обесценивало их морально, чего никак не могли понять простодушные старатели: Деньги-то берет!" Но ему хотелось, чтобы они принесли еще немного со слезами умиления и раскаяния в предыдущих грехах: "Буду выращивать капусту - не буду мыть песок!" Но так красиво отдавать деньги умела только местная интеллектуальная элита.

Путь к этическому совершенствованию он видел отчасти через эмоциональный стресс и культурное развитие - судья обожал детский хор! Дети, явно греховные в меньшей степени, чем их родители, в свою очередь обожали судью Стивенса - им он посвящал все свое свободное время, отрываясь даже от важных городских дел. Когда они выросли и уходили из хора: кто на ручки за золотом, кто к индейцам охотиться на живых тварей, кто прямо на 2 этаж салуна, - он разочаровывался в них. Голоса их грубели - приходилось набирать в хор новеньких. Судья частенько жалел, что не может сохранить детские голоса (особенно у лучших певцов) в период появления усов - ведь изобрели же что-то в средние века в Италии.

27/IV-1985

ЗОЛОТО

ЛЕГЕНДА О "КОРЕННОЙ ЖИЛЕ"

Золото быстро превратилось в стержень жизни Кампус-сити. Как ни прививал судья Стивенс жителям отвращение к стяжательству, корни их благосостояния: овечки и коттеджи, джинсы и порселайн - уходили на перекаты речушек графства. Но в проповедях золото упоминалось только как объект проклятия. Вообще в официальной истории городка источником богатства считался только сельскохозяйственный труд. Особое раздражение судьи-физиократа вызывала легенда о "коренной жиле". Кто ее придумал, было неизвестно, но были подозрения, что один чрезмерно образованный старатель сочинил ее назло судье. Судья попытался специально опровергнуть этот слух и категорически заявил в церкви (!), что никаких "коренных жил" нет и быть не может, а есть только счастье в труде на огородах! Как ни бился судья, но слух о золотой жиле постепенно стал частью местного эпоса, достоверность его уже не оспаривалась. Вопрос был один: где? Мечта о жиле стала для жителей не только и не столько мечтой о богатстве, сколько шансом прославиться. Искать ее было занятие

сродни спортивному. Золото и золотая жила стали как бы дьявольской нотой в благостной, но несколько нудной повседневности Кампус-сити.

После 1 индейской войны судья был вынужден ввести регистрацию заявок на участки, хотя при оформлении они обозначались довольно странно: "1000x1000 футов для посева брюквы" и т.п. Фактически же каждый нырял в леса в надежде застолбить свою удачу. Всем интересно было, где моет судья, ибо из своих сундуков он в случае необходимости вдруг извлекал горы песка. Но он, как и все остальные, держал в тайне свои любимые ручьи.

Однажды он попытался решить противоречие между фактическим положением дел и мечтой о полном равенстве всех жителей путем перераспределения участков. Он созвал общее собрание и предложил заново раздать земли "для огородничества"! Старые владельцы, конечно, могли продолжать "обрабатывать" те же участки, но уже в пользу новых. Заодно объявлялись открыто держатели всех участков (кроме участков судьи) и подрывался слух о коренной жиле. Ход собрания оказался неожиданным для судьи. Ряд старателей с криком: "разбежались" - начал стрелять в воздух и отходить к лесу. По дороге была сожжена контора географа с картами. В результате путаницы в течение целого года по лесам шла стрельба, от которой пострадало много индейцев. Почтенные жители городка опасались выйти в лес, а старатели создали на месте старого охотничьего лагеря свой поселок Пума-сити (вход - 100 унций!). Стараниями шерифа, Майкла Капитано и бомонда, заинтересованных в процветании салуна, мятеж старателей удалось погасить. Но для судьи они навсегда остались отщепенцами, которые уклонялись от божеской жизни и добровольных приношений на церковь. Зато легенда о жиле приобрела конкретность: "Тот, кто ее найдет, сойдет с ума от счастья и уже никогда не придет в городок выпить стаканчик виски. Если его отыскать, он будет отстреливаться до последнего патрона и умрет, но не скажет, где она". Темные люди эти старатели.

2-8/V-1985

СУДЬЯ СТИВЕНС И КОМЕНДАНТ

Со дня основания Кампус-сити в городе функционировал комендант. В его обязанности входило охранять Кампус от индейцев и представлять в столице штата. Он глубоко почитал судью Стивенса за все его редкие качества, которых сам был лишен напрочь. Обычно судья давал инструкции: "Конечно, гуронов надо отогнать так, чтобы они уже больше не вернулись и не обидели кого-нибудь в городке - поэтому возьмите с собой что-нибудь из оружия. Но никого случайно не убейте, а постарайтесь их убедить, что охота за скальпами - это нехорошо. Желательно также принести сюда в город их оружие и вампум, а то мне читать нечего. Много людей для похода от работы не отрывайте, особенно мужчин, можете взять Найденыша, когда он протрезвеет, - он будет переводить индейцам. Если среди гуронов окажутся добрые

томаханы, то их, не обижая, опять привести в город для подписания мирного договора". Или: "В столице штата надо посетить губернатора, всех вице-губернаторов, всем сказать что-нибудь приятное, но ничего не обещать. Тексты новых законов не брать, в кабаки не ходить. Спросят про гуронов - говорить, что очень трудно, и просить помощи, но так, чтобы ее не прислали. Нам не нужны здесь драгуны! О налоговых платежах говорить, что со временем они возрастут, а пока нужен провиант. Лучше всего вообще освободиться от налогов, поскольку, мол, ближайшие зимы не будут благоприятствовать огородничеству. О наличии золотых россыпей говорить, что это гнусные слухи, распускаемые гуронами".

Судья очень огорчился большим потерям среди гуронов в ходе стычек со старателями, и особенно во время 1 индейской войны. Комендант вообще имел обыкновение в драке заводиться и стрелять с обеих рук не только в злых, но и в добрых индейцев. Кстати, свои также предпочитали встать за толстое дерево, когда комендант входил в боевой раж, где он имел обыкновение сочетать атаку с элементами круговой обороны. В столице же он обычно получал запечатанный конверт с указаниями судье увеличить налоги. Так что итоги всех этих экспедиций вызывали у судьи глубокое разочарование: "Неужели нельзя было сделать как-нибудь так, чтобы о нас везде забыли?" Комендант бывал в этих краях и до основания городка и, как говорили, нашел жилу. Городские обязанности занимали у него много времени, так что мыть песок ему было некогда. Лишь урывками он тихо уходил на одному ему известное место и возвращался с золотом. Судья обычно мягко пенял ему как за манкирование комендантскими обязанностями, так и за то, что тот не сдавал всю добычу на нужды общества под предлогом бесплатной многолетней службы в качестве коменданта. "Нет-нет, - говаривал судья, - я, конечно, понимаю, но от вас я ожидал большего". И он тяжело вздыхал.

В конце концов комендант подал в отставку, которая случайно совпала по времени с мятежом старателей, и основал ситлмент Пума-сити. С точки зрения судьи Стивенса, это было чисто разбойничье поселение, но он вздохнул с облегчением: меньше безнравственных людей стало в Кампус-сити. Он даже помог бывшему коменданту получить в столице разрешение на новое поселение.

Основание Пума-сити было удачей для городка - все индейцы от злых до добрых объединились, чтобы выковырять эту занозу с их территории. В Кампус-сити настал долгожданный мир на границах и судья упразднил должность коменданта. Зато он завел шерифа, обязанности которого были обширней, но более мирными, и разрешил шерифам впредь 1 день в месяц мыть золото для себя, чтобы сэкономить городские фонды на жалованье.

ОДИНОКИЙ СТАРАТЕЛЬ НА "ВЕСТ-ОРАНДЖ"

Одинокий старатель надеялся, что со временем Пума-сити переплюнет Кампус. Но грубые старатели не могли создавать духовных ценностей - Кампус оставался для жителей сеттлмента культурной метрополией. Впрочем, все равно развлекаться в лесу было некогда: приходилось работать и воевать, причем как с гуронами, так и с добрыми томаханами. Поэтому Одинокий старатель с компанией наезжал в Кампус-сити в салун, в чайную, что очень огорчало судью Стивенса. Они появлялись в самые интересные моменты городской жизни: на свадьбы, к приезду Рэйчел и к пожару в салуне. К счастью, ему было неизвестно, что почтенные обыватели и городской бомонд любили изредка проводить уик-энды в Пума-сити. Пикники со старателями стаям любимым тайным развлечением для дам. В свою очередь старые приятели из Кампуса наезжали поохотиться, намыть золотишка и передохнуть от религиозных церемоний. Толстуха Джейн категорически отрицала, что отпускает девочек погостить в Пума-сити.

Удручающий индивидуализм старателей из Пума-сити выражался в том, что все свои добровольные приношения Кампусу они делали напрямую, хвастаясь добычей и т.д. Так, они построили новую коновязь у салуна, замостили треугольную тропу: салун-чайная-церковь. А Одинокий старатель подарил Толстухе Джейн с девочками большой импортный котел для чая типа "самовар", который она с тех пор спасала каждый пожар:

На пространстве между Кампусом и Пума происходили забавные истории. Так, Одинокий старатель любил напускать на себя таинственность и намекать, что нашел коренную жилу. Верили ему неохотно: что тогда искать! С другой стороны, он держал за собой столько участков, лет 15 был с золотом, так что отвергнуть эту гипотезу было трудно. Однажды судья Стивенс попробовал дать бумагу на один из участков Одинокого старателя молодым жителям городка. Перед тем старатель чуть не год не появлялся в салуне, вследствие чего стали ходить слухи, что он продан вице-губернатору. "Надо методично работать, читать Книгу, а то сядут на ручье и трясут лоток: жадность - это грех!" - говорил судья.

Жарким летним вечером в долине "Вест-Орандж" Одинокий старатель пил свой кофе и вспоминал те 15 лет, что пролетели в этих чудесных местах. Эх, раньше надо было уйти в Пума и взяться толком за эту долину, но ничего, к концу сезона построю церковь Св.Инессы в Пума, выпишу училку итальянского для школы в Кампусе и заведу первую местную газету "Утренний экспресс" и журнал "Голос старателя". Четверо молодых людей с большим количеством шанцевого инструмента и лотками подъехали верхами.

- Садитесь пить кофе, ребята! Что нового в Кампусе?

- Ба, это он! Ты еще жив! А в Кампусе решили, что ты уже умер! - сказал Горилла

Сарджент, поплеывая на ладонь и приглаживая чубчик.

- Как так? И давно?

- Твою заявку судья Стивенс аннулировал, - пояснил Дигги, поправляя манишку...

- Судья Стивенс сказал, что здесь могут быть хорошие места для посадки риса, - объяснил честный китаец Чен. - Мы только хотели посмотреть.

- Вообще-то мы ничего против тебя не имеем, ты добрый старик. А девочки в Кампусе обиделись: ты не был у них целый год, - добавил Боб Голдсмит.

- И вы приехали? Кстати, кто решил, что я умер?

- Вожди индейцев сказали, что еще зимой сняли твой скальп и отослали в музей.

Правда, Майкл Капитано советовал нам проверить это дело, прежде чем покупать лотки, - заметил Дигги. - Но судья считает, что морковь каждый может сажать, где хочет! Мы не против, чтобы ты остался с нами: тебе уже 38 - зачем тебе золото, - будешь варить для нас кашу и кофе, а мы тебе дадим рому и одеяло.

- Он хороший, ему не нужно золото - он пьет кофе, и мы его не будем обижать. Пусть, ребята, живет с нами, - добавил китаец Чен.

- Да, правильно! - воскликнул Горилла Сарджент. - Чего тут церемониться! Пусть живет... Кстати, а где тут золото-то?.. А то ведь, знаешь... лучше бы сам показал... чтоб нам без греха и судья бы потом не корил!

- Ну, ребята, раз вы так спешите, то валяйте по тропе вниз по старым зарубкам - к утру придете в лагерь.

Молодежь повернула на тропу, а Одинокий старатель призадумался. Возраст, может, мне и правда пора на морковь, а то судья все толкует: жадность-жадность! Не забыть: надо будет через пару дней этих молодцов из болота вытащить и пострелять в воздух. Золота захотели! Да и пора салун навестить, а то заживо хоронят!

Через месяц все графство знало, что на "Вест-Орандж" Одинокий старатель перебил целое племя гуронов, эскадрон драгун и полсотни старателей - вернулись только четверо. Вера в "коренную жилу" усилилась.

23/IV - 4-9/V-1985

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В КАМПУС-СИТИ. ШЕРИФ

Судья Стивенс читал Монтескье и считал, что разделение властей на законодательную, судебную и исполнительную подрывает демократию. "У нас в Кампус-сити все должны быть равны, все действительно равны и каждый принимает участие в обсуждении и решении всех вопросов", - с удовлетворением говаривал он. Все законы были давно установлены судьей Стивенсом и в обновлении не нуждались. Они были просты: работать в огородах, жить по-божески, не выделяться и т.п. В неясных случаях судья объяснял, что именно в данном случае соответствует закону.

Суда как такового в городке не было, так что судьей судья Стивенс именовался просто

из глубокого к нему уважения. "Так нехорошо" мог сказать судья, и человеку становилось скверно на душе от осознания своей вины. Будучи пастором городка, он частенько исповедовал как католиков, так и протестантов, ибо обслуживал все религии для простоты. Это позволяло предотвратить целый ряд нарушений порядка. Вообще-то главным наказанием было отлучение от благоволения самого судьи Стивенса. И если его сильно огорчали, то обидчик со временем ощущал известные неудобства. С годами судья стал сквитываться сразу, чтобы не забыть...

Объединение в одних руках всех видов властей (кроме исполнительной) создавало, конечно, кое-какие трудности для судьи.

Приходилось мириться с греховным мытьем золота, зато необходимость стрельбы по гуронам можно было рассматривать как моральную доблесть с точки зрения защиты беззащитных жителей городка.

В минуту опасности все пасторское слетало с судьи - он становился хитрым и дальновидным вождем племени. Жители очень любили, когда судья брался сам еще и за исполнительские функции.

Фактически часть исполнительной власти в городке находилась в руках шерифа Трабла. Судья готовил его к большому будущему и часто описывал ему, как это будет. В ожидании шериф довольствовался намеками на повышение жалованья. Судью часто огорчала тяга его правой руки к мытью золота и комфорту. Узнав об очередном факте греха стяжательства, он давал понять о своем недовольстве переходом на "мистер Таккер", запрещением отлучаться днем из шерифни, что особенно тяготило Энди Трабла.

Работа у шерифа была нелегкой. Шериф пытался уклониться, например, от личного участия в пересеве моркови под предлогом, что раньше ему было разрешено в этом не участвовать. "Нет, - парировал судья. - Вам было разрешено в этом не участвовать, но это не значит, что Вы можете не сажать морковь!"

Судья был очень привязан к своему шерифу - без него трудно было упомянуть, какие дела еще не получили своего нравственного освещения и разрешения. Они так долго работали вместе, что шериф в 90% случаев угадывал моральный вердикт судьи и поверил, что ему повысят жалованье. А судья научился вовремя отворачиваться, чтобы не видеть, как шериф по росе уходит верхом с лотком за спиной.

С годами городской шериф Энди Таккер становился ходячей достопримечательностью Кампус-сити. Он пополнел и начал смазывать усы, чтобы не топорщились. Целые дни он проводил со своим приятелем Николсом то у того на веранде, то в самом прохладном месте городка - тюремной камере в шерифне, где его не мог отыскать судья. После ленча оба они отправлялись поглазеть, как Толстуха Джейн учит своих козочек математике, вязанью и приготовлению тортов на французский манер.

Обычных преступлений, которыми были поражены все штаты, в Кампусе не было. Убийство индейца было развлечением, очистка карманов пьяного старателя торговым греком в лавке или кем-нибудь из козочек в салуне - бизнесом. А на то, что по

высоким моральным стандартам судьи Стивенса почти вся жизнь городка была греховна, шериф не реагировал.

Городской лев не был, в сущности, ленив - золото по-тихому он мыл очень ловко. Но любовь к комфорту и нежелание удаляться от общественной жизни, бомонда и салуна с годами брали свое. В ожидании своего большого будущего, к которому его готовил судья, он не ссорился ни с кем в городке, даже с судьей, которому неизменно докладывал об улучшении морального климата, расширении морковного клина, и тонко намекал, что старатели скоро поймут всю бессмысленность своего образа жизни. Дамам он улыбался каждой в отдельности и никогда не забывал отметить новую шляпку и цвет лица, а они любили его большинством в 95%. Самые удивительные указания судьи он проводил в жизнь твердой рукой так, что любой понимал: шериф выполняет свой долг и ничего против него не имеет - это все судья! Почти со всеми жителями городка он имел общие интересы: кредит, карточная компания, щенки одного помета и т.д. Поэтому налоги и добровольные пожертвования с них он собирал со слезами на больших правдивых глазах: за что судьба меня держит в шерифах, ах, за что?!

Для обывателей отношения шерифа с судьей были загадкой: про большое будущее они не догадывались и очень жалели его. За заслуги в улаживании внутригородских конфликтов, особенно с судьей, его прозвали Траблшутер, а потом просто "старина Трабл". В этом сказывался его большой жизненный опыт: юность Трабл провел, играя на гитаре в банде делинквентов на Среднем Западе. Трудное детство научило шерифа ценить доброе отношение судьи Стивенса и государственное жалованье. Поэтому свои делишки он обстряпывал так, чтобы судья не узнал, кто продал три раза индейцам на вигвамы лес, предназначенный на строительство коллективной бани. Судья не догадывался также, что Энди пел на гитаре козочкам в салуне, когда тот уже спал. Со своими старыми приятелями, старателями-браконьерами из Пума-сити, он поддерживал связь голубиной почтой и встречался только в конспиративных номерах на 2 этаже салуна. Когда судья посылал его в Пума за налогами с указанием "брать больше", он там напивался. А по возвращении натурально рыдал, докладывая о нищете в Пума.

- Лучше я буду непрерывно мыть это треклятое золото, чем собирать налоги по лесам, рискуя жизнью.

И никто не знал, какая часть налогов не доходила до судьи Стивенса. При всем этом старина Трабл был известный семьянин, тащил в гнездо любую веревочку и пел баритоном в церкви Св.Варфоломея.

Труднее всего приходилось маневрировать шерифу в тех случаях, когда судью захватывала какая-либо грандиозная идея в области морального или культурного усовершенствования жителей. Тогда он посылал Трабла собрать посреди лета всех жителей с огородов и ручьев для обсуждения вопроса о переносе на два дня осеннего праздника урожая. В последний момент, однако, судья предлагал всем освоить

иероглифическое письмо, обучить ему и индейцев и всем жить мирно. Обычно после этого он скромно садился в сторону в ожидании всеобщего воодушевления, а жители с интересом смотрели на Трабла, как он вывернется. В таких случаях шериф начинал тянуть назад к празднику урожая и моркови. Судья обижался, переходил на "мистер Таккер" и начинал поговаривать о перевыборах. Трабл сразу вспоминал о своем большом будущем, пугался, дарил церкви дюжину очень толстых свечей и приводил к судье честного китайца Чена, который начинал расспрашивать того о принципах построения японского языка.

Однажды судья предложил шерифу: "Ну что Вам стоит, умея играть на гитаре, обучить всех игре на банджо, мандолине и цитре! Надо только захотеть самому и увлечь других. Все будут приходить к Вам два раза в неделю, и я тоже буду приходить. Это отвлечет всех от пьянства, а воспитанницы Джейн смогут играть на арфах - это будет очень празднично!". Пришлось заказать инструменты в столице и нанять старателей - потом на этих инструментах любили потренироваться в Пума. А благодарные жители восхищались и говорили на Мейн-стрит, хлопая его по плечу: "А мы думали, что все кончено!". Трабл тут же возместил свои убытки небольшим добровольным сбором на свечи, окраску шерифни и новый винчестер, хотя ходил по-прежнему со старым у облупившихся стен.

Счастливые жители не мыслили себе другого заступника. А поскольку Трабл регулярно угрожал уйти в отставку, обыватели старались поддержать в нем дух. Они каждый год выбирали его на новую должность: "попечитель дорог", "защитник индейцев" и просили судью увеличить шерифу жалованье. Тот в связи с этим посылал очередную просьбу в столицу штата о выделении дополнительных фондов для Кампус-сити и освобождении городка от налогов. Введение шерифа в новую должность сопровождалось бесплатной выпивкой и танцами. Шериф обычно к концу вечера, когда судья уходил спать, исполнял лично две-три щекочущие душу песни своей молодости и растроганный сообщал о решении остаться еще на годок в "этой невыносимой должности без всяких перспектив", как он выражался. Обычно тут немного стреляли. Старателям он клялся не уходить, пока не добьется полного их прощения судьей. А жене в сотый раз обещал: если судья опять зажмет приближение большого будущего, плюнуть на все, уйти в Пума и зажить, наконец, не хуже других. Но, по правде сказать, ему никуда не хотелось - разве что обнаружилась бы "коренная жила" совсем недалеко от дома или его назначили бы сразу вице-губернатором.

8/V-1985

ТЕРМЫ И СИТИ-ХОЛЛ

Трудно изменить человеческую природу за 10-15 лет, а ведь жители Кампуса собрались в это благословенное местечко под крыло судьи Стивенса из множества мест, зараженных самыми разнообразными грехами. К счастью, гениальность судьи

позволяла ему ряд проблем не замечать, а другие решать оригинальнейшими способами. Судья пытался все же помочь жителям смыть хоть часть грехов. Термы! Это был нетривиальный ход. Чем, действительно, жители городка хуже древних римлян, которые прямо жили в них, причем держали в бане папирусы и пергаменты! Был бы в Кампусе мраморный бассейн – остальное приложится. И судья повел кампанию за создание специального фонда "на термы".

К сожалению, жители плохо представляли себе римскую историю, и баня для них была связана с какими-то жуткими историями: пожаром, весталками, Каракаллы и разрушением патриархальной семьи. Сбор денег на баню фактически саботировался, а поступавшие суммы раскрадывались шерифом, т.е. расходовались на текущие городские нужды (мрамор тащили все подряд). Другой источник сопротивления идее таился в конкуренции двух-трех частных бань, в особенности шикарной мыльни при салуне. Здесь мысль о мраморном бассейне и полном комплексе банных (и иных) услуг была быстро перехвачена и реализована, что осталось неизвестным только судье.

В конце сельскохозяйственного года судья призывал наиболее доверенных лиц и предлагал им подумать, как "быстро и очень дешево" построить термы. Проблемы доставки мрамора, рытья котлована и т.п. представлялись ему малосущественными - главное захотеть и начать. "Каждый посредственный божий человек, - говорил он, - отличается от самой лучшей пчелы тем, что верит в то, что он строит!" Доверенные лица мялись. К этому времени в их число входили самые богатые и занятые жители города, так что им мало улыбалась идея оплатить строительство этого грандиозного по местным масштабам сооружения, чтобы городские бомжи перед вечерним заходом в салун имели место размягчить суставы.

Тогда судья прибегнул к более надежному средству - народному собранию. Этот источник живой демократии, верилось ему, не может не поддержать замечательной идеи: демократической субботней помывки, Перед воскресной молитвой как формой духовного единения было бы замечательно предаться общему омовению. Идея коллективной бани очень понравилась подросткам, но жители постарше колебались. Обсуждение этой проблемы застряло на третьестепенном, с точки зрения судьи, вопросе: из задних рядов измененным голосом спросили: "А сколько отделений будет в бане, одно общее или два?" Судья поморщился и с нарастающим раздражением начал искать глазами говорившего: "Давайте не будем обсуждать, как строить мост вдоль или поперек реки!" Но идея потускнела.

Со временем судья Стивенс переключился на борьбу за строительство Сити-холла. Он мыслил его как приют для "будущих бездомных", а также "индейцев, потерявших свое племя". Однако прижимистые жители, а главное, старатели никак не могли понять, зачем им эта роскошь. Судье же виделось нечто грандиозное, включающее и мраморные термы, и большой холл амфитеатром для религиозных диспутов на тему: морально ли самому съедать хлеб свой насущный. В свое время Николс подрядился за

умеренную плату составить проект этого сооружения, но на все вопросы начинал вещать: "данный градообразующий объект являет собой трехмерную конкрецию из кирпича и дерева ... архитрав ... колонны ... цоколь ... несущие балки...", - и умолкал. В результате сооружен был только фундамент неясных очертаний по причине оползней и заносов. Лес для наземных сооружений был, видимо, продан налево шерифом, а Николс хранил план сооружения в голове и ни с кем не делился.

Однако идея завершения данного строительства была неожиданно поддержана женской половиной населения. Джейн дала денег со словами: "на малый банкетный зал", Люси Николс взялась за мужа, чтобы тот довел проект. Благотворительная лотерея, в которой Вирджиния вытаскивала билетки, также дала большие средства. В обстановке странного ажиотажа, сопровождавшего ухаживания Гориллы за Вирджи, отвалили денег и местные богатей - потом они пришли к заключению, что их "дожали" женщины: от законных супругов до козочек салуна. Здание напоминало западноевропейский замок с отделкой в мавританском стиле, на чем особенно настаивали дамы. Николс с шерифом взяли свое при планировке внутренностей помещения. Они отвели себе по изрядному оффису на первом этаже, выделили место для банка, замаскированного под "хранилище для металлов". А весь второй этаж был превращен в огромный зал с большими окнами и зеркалами в простенках.

Религиозные церемонии совершать в таком зале было абсолютно невозможно, хотя хоры (для оркестра) и прекрасная акустика, казалось, и создавали нужные условия. Судья Стивенс воспрянул духом - он не понял, что за сооружение отгрохал Николс на общественные деньги. Судья все спрашивал, "где утвержденный план, не вижу плана!" Николс смотрел в сторону и отвечал, что скоро представит проект паровой мельницы, раздвижного моста и водопровода. Судья созвал народное собрание для обсуждения планировки и использования Сити-холла, где в это время уже вешали зеркала в бальном зале. Собрание шло бурно: обсуждали, сколько дней гулять на свадьбах и что подарить Вирджинии и Розы. Речь судьи о бездомных и индейцах заглушалась переговорами в задних рядах, шелестом туалетов и т.п. А Горилла все перепутал, находясь еще в состоянии любовной горячки, и спросил: "А разве бездомные женятся на индейцах?" Весельем такого рода и окончилось собрание - судья надулся на шерифа, но рассчитывал позднее достроить здание по-своему.

8-24/VI-1985

ЛЮБОВЬ В КАМПУС-СИТИ ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Самое бедняцкое ранчо, городишко или улица большого города знают своих Монтекки и Капулетти, своих Ромео и Джулию! Не было исключением и Кампус. Оставим на будущее кровную месть - может, и минует городок чаша сия, но историю любви больше откладывать невозможно.

ОНА была дочерью управляющего филиалом фирмы "Юта ламбер-тимбер", которая

вывозила экологическую среду из гуронских районов. Ее звали Вирджиния, она была 100% американской девушкой, улыбчива, деловита. Она окончила полколледжа и уверенно смотрела в будущее.

Он был недавний переселенец из кукурузного штата, приехал за золотом и очень спешил - ему нужно было купить ферму в 80 акров, лобогрейку и верховую лошадь. Об этом он охотно сообщал все желающим и прикидывал, сколько золота ему нужно в ближайшем будущем. Тим Сарджент за простоту и физическую силу получил прозвище Гориллы и не обижался, т.к. судья Стивенс объяснил ему, что все люди божьим соизволением произошли от горилл. Желание быстро разбогатеть не было чем-то оригинальным в Кампусе, простота воспитания, образования и поведения - тоже. Способность же к сильным чувствам - редкость во все времена. Кто знает, может быть, любовь Гориллы Сарджента к Вирджинии облагородила жителей городка больше, чем годичный цикл проповедей судьи.

Удар грома настиг Тима в тот день, когда он отправился на почту, чтобы известить старых друзей, сколько он намыл золота за лето. Его дайм перепорхнул в розовых пальчиках - он поднял глаза и сказал: спасибо... э... мисс... - и вышел, не взяв квитанции. Даже цвет ее глаз был непостижим. Он чувствовал, что смотрит сквозь аквариум.

На другой день утром он пришел к открытию почты и купил открытки с видами Кампус-сити: индеец с копьем, судья Стивенс на пороге церкви Св. Варфоломея, прекрасная цветочница у витрины своего магазина и салун в вечернем освещении. Заговорить он не решился и с отвращением обнаружил, что другие старатели, покупая открытку с видом местного индейского кладбища, нахально называют это ослепительное облачко... это!., эту!., просто Вирджи. Через полчаса несколько растрепанный и поцарапанный Сарджент тоже купил такую открытку и попытался представиться. Всего в течение дня он прошелся кулаками по полудюжине молодых людей, застрелил одного индейца и купил открыток на полтора доллара. Почта была почти парализована.

Проводив девушку на почтительном расстоянии домой, он отправился в салун, где едва не был убит кем-то из обиженных им за день. В сущности, его жизнь спасли козочки - они уже знали о дневных происшествиях и поклялись спасти для города эту романтическую историю. "Ах! - говорила Роза. - У меня в Новом Орлеане был один такой, знаете, креол - так ведь трех клиентов прирезал!" Девочки верещали и вздыхали... есть!., есть еще настоящие мужчины - не всех сгубила эмансипация. Девочки вообще находили борьбу судьи Стивенса за равноправие женщин несколько странной (он к ним не ходил): "Что же это, хи-хи, я буду золото мыть, а потом в салуне курить трубку и нанимать... шу-шу-шу... ха-ха-ха!., этих мужиков или хи-хи... шерифа потанцевать... ну нет, это дороже обойдется!" Они и прекратили стрельбу, устроив в качестве отвлекающего маневра небольшой спектакль "с подвязками".

Толстуха Джейн на другой день сходила к судье и три часа уговаривала его помочь

Горилле. Тот сопротивлялся, ссылаясь на то, что Горилла - хулиган, а главное: а) не поет в хоре, б) не * » изучает этику и в) моет золото. Джейн пришлось напомнить судье о его ответственности перед обществом, прокомментировать историю Тристана и Изольды, Ванины Ванины и Меджнуна. Она v , немного нажала, намекнув на то, что помощь влюбленным - дело божеское, а законный брак - не частое дело в городке. "Да, - сказал судья, - супружеские узы радикально меняют человека. Мужчина, заботящийся о своей семье, не может быть склонен к авантюрам с золотом, а строит дом, выращивает овощи, посещает церковь. Я привык думать, что только в мрачные годы средневековья кастовые и религиозные предрассудки мешали соединению любящих сердец. В наше время еще бывает, что имущественные различия осложняют заключение браков, несмотря на ясные указания небес. Но этого нет и никогда не будет в Кампус-сити, пока я в церкви. Если эта Вирджиния решит, что наш юный и беззащитный Горилла ей не пара, то пусть задумается о своем будущем, о том, как она посмотрит в глаза индейцам и другим бедным людям. Что ж им теперь и семьи нельзя завести, потому что она дочь кого-то из "Ламбер-тимбер"! Вы, Джейн, святая женщина! Как, кстати, Ваши воспитанницы? Нашли ли и они уже себе достойных избранников? Я всегда с удовольствием наблюдаю, с какой набожностью они поют в церкви. В этом сразу чувствуешь Ваше благотворное влияние - я с удовольствием благословлю любую из них на законный брак с кем-либо из местной интеллигентной молодежи. Как жаль, что Вы посвятили всю себя служению, в противном случае, я не смог бы объяснить, почему Вы также не вступаете. Я немедленно поговорю с Вирджинией и растолкую, в чем заключается ее долг в этой непростой ситуации. Нежное сердце Гориллы не должно и не будет разбито!"

Толстуха Джейн с трудом доплелась до салуна и потребовала свой любимый напиток: 1 часть кофе, 2 части шотландского виски, 1 часть апельсинового сока и 2 части коньяка - все подогреть! Прибывшим по срочному вызову шерифу, Майклу и кой-кому из старателей она сообщила, что у нее "гемоглобину 35"! Пусть другие сватают кого угодно, что она набитая дура, больше так не может, а допьет кофе и уйдет в монастырь. После чего она разрыдалась, и сквозь слезы были слышны лишь отдельные слова: "почему... должна... как... пусть Рэйчел... какого черта в белых перчатках... на панель... все сволочи..." После чего она выпила еще чашечку "шотландского кофе" и объяснила, что судья может обвенчать Вирджи, невинную малютку, не спросив ее, с этой гориллой в 24 часа заочно. Если они немедленно не спасут девочку, то она запалит церковь и покончит с собой посредством пожара. Испуганные друзья посоветовали ей немедленно отправиться к цветочнице потолковать по данному вопросу и взять с собой ученого пуделя Варфи (Варфоломея).

В это время Вирджи "советовалась" с ближайшей подругой: "С одной стороны, он малость простоват и все время говорит: "мисс... э... мисс", а с другой - он шлепнул индейца, когда тот протянул руку за сдачей - я так испугалась!" - Гм, - отвечала Верная Подруга, - ты, конечно, можешь выходить за него прямо сейчас, но посоветуй ему сбрызнуть

усы, а то он похож на опоссума. Кстати, он, говорят, действительно что-то намыл, но все пропил! Ты бы спросила, чем он болел в детстве, между прочим".

- "А что?!"

- "Да так, знаешь ли, просто все мужчины одинаковы. А старатели вообще, говорят, живут в лесу с томаханками, - наверно, у них поэтому мало золота осенью. Но про "твоего" ничего такого не известно - не то очень скрытен, не то совсем простачок. Но, Вирджи! как я рада, что у тебя, наконец-то (!) появился жених. Сколько можно сидеть на почте и за 6 долларов в неделю глядеть на чужие письма, когда нет возможности их прочесть!" Было намечено: не прогонять, а дать проявить свои лучшие качества -там видно будет.

Параллельное совещание шло в шерифне: что делать, пока судья дров не наломал. Решено было немедленно организовать нападение гуронов на баранов, прислать поддельное известие о возможном приезде вице-губернатора (его ждали как конца света), а Горилле дать свежий хинт на золото. Первое требовало некоторого времени, чтобы предупредить приятелей среди индейцев или/и старателей. Второе проделывали регулярно, раза два-три в год для стабилизации внутренней жизни городка перед лицом "ужасной опасности". Третья идея имела реальные корни

- в прошлом году судья Стивенс как-то похвалил пейзажи у Медвежьего озера, а смешливый Николс задумчиво протянул: "Э, да похоже, что судья там золотишко мыл". Горилла наутро двинул в лес, передрался с индейцами, облазил озеро, изрыл все выпадающие в него речушки, убил месяца два жизни и обиделся на судью.

Третья беседа шла при запертых дверях в мансарде цветочной лавки: трюмо - цветы - козетки и др. "мэбэль", короче - будуар.

(Толстуха Джейн - ТД): Варфи, оставь в покое туфлю у тети -ты не дома! Ты представляешь! В нашем-то городке среди этих мужланов впервые объявился Мужчина... такая любовь! В первый же день труп, правда индейца! Как это все-таки несправедливо - обидно, - почему в эту толстую девчонку! Что, у нас больше не в кого влюбиться по-настоящему? А мы!.. Ну хоть позабавились бы, все не такая скука.

(Бэки Тэтчер - ВТ): Да, мы бы уж, конечно, нашли ему правильное применение: дуэли, шампанское, записки в цветах...почему у нас в городе нет театра! или консерватории? Тебе, Джейн, пора выписать нового тапера. С тех пор, как шлепнули по ошибке старого бродягу из Австро-Венгрии, который играл прелестные вальсы, у тебя стало скучно. И вообще уже надоело - эта вечная стрельба по пианисту. Заведи цыган!"

(ТД): Боже, Бэки, где я тебе возьму цыган в такой глуши -надо воспитывать свою молодежь! И сколько при наших нравах протянут здесь цыгане, я тебя спрашиваю? Рэйчел приехала тогда, помнишь, с ангелочком из семинарии - напоили до полусмерти, выбили полпереднего зуба - он утром так рыдал, бедняжка! И говорили, что это нашего Гориллу подучили. Представляю себе картинку: цыгане на почте, с гитарой - да Горилла и ему подобные откроют охоту на них, как на индейцев.

(БТ): Дорогая, тебе так тяжело, я тебя понимаю! Но мы не должны сдаваться! Не можем же мы превратиться в ковбоев только потому, что мужчины здесь ничего не понимают в настоящих женщинах! Надо воспользоваться несчастным случаем с Гориллой, влюбившимся в эту брюнеточку, чтобы развить в них качества истинных джентльменов!

(ТД): Вот это верно. Мы могли бы не мотаться в другие города, чтобы почувствовать себя на балу. Давай составим список, чего нам не хватает в Кампусе. Кстати, надо подумать о Пума: там публика еще грубей, зато у них много больше золота. Но, главное, ребята там простые: кое-кто у меня в друзьях, а уж мои девочки знают там всех... поголовно... и имеют на них влияние. Мы можем начать со старателей - что, собственно, надо? Кто там звонит внизу - ты кого-то ждешь... я помешаю?!. Могу выпрыгнуть в окошко!

(БТ): Нет, оставайся - это Лора Прюденс, она опоздала к вечернему чаю на полтора часа и нетерпеливо звонит, чтобы сообщить нам потрясающие новости!

Входит Миссис Прюденс (МП): Девочки, в городе что-то случилось! Я сейчас ехала в ландо и вижу, бредет этот, ну... Горилла. Вид как у лунатика! Если не верите, сходите вниз - спросите у моего мужа. Идет и бормочет:

*Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы...*

и еще:

*"Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду..."*

Он свихнулся на почве этой Вирджинии - интересно, насколько это может быть заразно для жителей города? В конце концов у меня есть муж и я должна о нем заботиться!

(БТ): Дорогая Лора, ты права; либо мы возьмем новые веяния под контроль, либо они захлестнут городок...

(ТД): Да, и мы останемся на обочине, а эти девчонки создадут себе общество на наших костях... К черту Гориллу - кто тут знаком с Вирджинией? Страстная любовь в наших условиях не может быть предметом личной собственности - пусть аккуратненько докладывает нам, как идут дела!..

(БТ): Значит, так: мужчины должны вставать в нашем присутствии и подавать пальто не только в церкви. Да, если у тебя в салуне кто-нибудь попытается со мной "познакомиться", то я не знаю, что именно я с ним сделаю...

(ТД): Дорогая Бэки, но это же так легко! Ты просто пропусти тосты четные... и не подхватывай юбки слишком высоко, когда танцуешь, - тебя никто тогда не

"перепутает"... М-м, дай я тебя поцелую - ты такая хорошенькая сегодня!

(МП): Мы не решили самого главного: любит ли она его или нет и выходит ли она за него? По-моему, не надо с этим спешить - пусть они убедятся в прочности своих чувств - иначе возможны ошибки, как у некоторых...

(ТД): Надо, кстати, проверить эту прочность... Я могу сходить пару раз на почту... Нет, мы все должны время от времени ходить на почту и беседовать с Гориллой. Если он не возомнит о себе и останется на боевом посту после твоего прихода, наша Бэки, то, значит, это настоящее чувство. Хотя устоять против Бэки... нет, я в это не верю! А как ты сама думаешь, кто в городке мог бы устоять? Вообще мне надоела эта парочка голубков - поговорим о старателях.

(БТ): Девочки, не отвлекайтесь от нашей основной задачи -превратить Кампус и, может быть, даже Пума в маленький Бостон! Нам нужен театр, дорога в Пума, парады, местные и религиозные праздники с трибуной для почетных гостей, портниха, оркестр, шляпник, несколько офицеров, хоть национальной гвардии. Мужланов придется перевоспитывать самим. Не знаю, правда, что делать с их женами и дочками, вроде этой Вирджинии, но надо начинать - случай с Гориллой должен стать поворотным пунктом в жизни города и окрестностей! Прошу, кофе с ликером, или ну его?..

Пока созревала "заговор в мансарде", городок постепенно заснул - на этом кончился первый день новой эры.

13/VI-1985

ИСКУШЕНИЯ ГОРИЛЛЫ САРДЖЕНТА

Сарджент практически поселился у дверей почты. В течение недели жители привыкли к тому, что на почту ходят только женщины и дети. Авторитет козочек и судьи оберегал влюбленного от физической расправы. Толстуха Джейн и другие сердобольные жители Кампуса присылали ему пиво и закуски. Судья принес для общего развития "Метаморфозы" и "Декамерон". А шериф распорядился соорудить нечто вроде караульной будки с крышей и тремя стенами, а также стулом, дабы Горилла мог передохнуть и укрыться от дождя. Трабл даже выдал на эти цели кое-что из присвоенных им ранее стройматериалов, т.к. рассчитывал прослыть у судьи божьим человеком. В чем и преуспел, получив индульгенцию за старые и кое-какие будущие прегрешения.

В Кампус-сити любви были покорны лица обоего пола, всех возрастов, рас и вероисповеданий. Однако бытовало мнение, что юным, можно сказать, девственным сердцам, а также инвалидам индейских войн порывы любви могут быть особенно полезными. Так думал и судья Стивенс. Он регулярно стал ходить на почту, чтобы поговорить с обоими молодыми людьми. Правда, на всякий случай с Вирджи он

беседовал, держа руки за спиной, и советовал ей повышать свой культурный уровень, внимательнее относиться к посетителям. Почему бы ей, в частности, не подсказать достойнейшему молодому человеку Тиму Сардженту для развития глубоко заложенных в нем талантов заняться акварелью или пастелью. Домашний анализ с Верной Подругой привел к правильному заключению, что судья советует выходить за Гориллу.

Рассматривая влюбленность Гориллы Сарджента как форму раскаяния грешника, судья принялся искушать молодого старателя хвалами. Основная мысль судьи была проста: как замечательно, что Тим понял тщету мирской суеты и, в сущности, ушел в монастырь. Служение даме, хотя драться нехорошо, дело божеское. Прекрасно, что Тим больше не моет золото, а развивается духовно. Горилла очень смущался и нервничал, т.к. слова судьи воспринимал как запрет на добычу золота. Он даже вскакивал и порывался сразу уйти куда-нибудь на ручей, но любовь держала его на привязи в будке у дверей почты, откуда была видна темная головка и бледный профиль.

Город постепенно привыкал к новой ситуации - зарядили дожди. У старателей появилось развлечение - тайком от дам и судьи они выходили прогуляться из салуна, чтобы поболтать и подразнить Гориллу в будке, как медведя на цепи. Они приносили ему выпить и расспрашивали о том, что он будет делать летом в сезон намывки золота. Намекали на наводки, поступившие из надежных источников. Он терпел! Однажды днем мимо него проехал шериф с парой приятелей и выразительно подмигнул. Бедный Горилла добежал за ними до окраины, поминутно оглядываясь, и пытался быстренько расспросить: что-куда. Но компания хранила секрет - они отправлялись на день в Пума для организации набега квази-гуронов. Замер показал, что величина растяжения чувства Гориллы к Вирджинии посредством золотой приманки равнялась половине английской мили. Но он вернулся на пост.

В эти дни необычайную сметливость проявил городской сумасшедший Чарли Оползень. Миссис Прюдэнс высказала даже мысль, что он обычно прикидывается, чтобы разжалобить судью и не работать. Во всяком случае, он ни разу за эти дни не зашел на почту, а бочком подходил к Горилле и шепелявил: Голилля, а, Голилля, дай атклитку... Тим был рад всякому обществу и даже не дразнил дурачка, показывая пальцем спираль в воздухе. Дело в том, что Чарли окончил богословский колледж и свихнулся, увидев винт Архимеда. Он проклял его как дьявольское изобретение и долго плакал, глядя на огород китайца Чена (тот поливал с помощью винта). Этого не может быть, ибо это противоречит третьему секрету богородицы! - кричал он. Его стали жалеть, и он быстро привык к дармовым харчам судьи и города Кампус-сити, хотя в просветлении был на редкость логичен.

Особенно трудно приходилось Сардженту вечерами, т.к. Вирджи была из семьи строгих правил и в салун не ходила, а изучала немецкий язык и вязала. Горилла садился в углу и скучал, постепенно входя в роль центра внимания. Девочки частенько

подбегали к нему, присаживались на минутку и говорили: Тимми, может, тебе чем помочь? Глядишь, полегчает! Но он сохранял лунатическое выражение лица - искушения подобного рода на него не действовали.

Жизнь Вирджи резко осложнилась (Верная Подруга была на грани язвы). Раньше скромная девушка с почты весело щебетала с посетителями большую часть дня. По воскресеньям у нее был двойной праздник - приходил дилижанс с пассажирами и почтой, и она была главным лицом, которое встречало и провожало его. Теперь Горилла пугал приезжающих своим несколько растерзанным видом. Первые дни такое внимание и удивленные взгляды всего городка были ей лестны, но вскоре стали утомлять. И ей хотелось, чтобы он был несколько более разговорчив, а то все: мисс... э... мисс. Как разумная девушка, она решила посоветоваться с Миссис Прюденс, т.к. ее муж, мельник, имел дела с отцом Вирджи. Бомонд ликовал - Вирджи пригласили на чай в дом Прюденсов. Все хотели позаботиться о бедняжке.

Общий план бомонда был таков: сделать из Вирджинии Жанну д'Арк графства, влюбить всех молодых старателей и использовать их энергию для создания моды на комильфо. Приличных жителей городка, включая женатых, чуть-чуть встряхнуть и заставить показать этим молокососам, кто есть кто! Надо ли говорить, что этот грандиозный план социально-психологической революции был задуман, обсужден и отшлифован до рабочего вида на совещаниях в тихом омуте цветочной лавки. На первом этапе было необходимо превратить Гориллу в героя- любовника. А для этого его следовало вытащить из будки, причесать...

Пятичасовой чай с пышками у Прюденсов был разновидностью высшего светского приема в городке. Вирджиния (в белом платье) не только впервые была приглашена на столь аристократическое мероприятие, но стала эвентуально первой девушкой в городе, сидящей за мейсенскими чашками. Перед домом бродил Горилла в грязном жилете и сапогах. Время от времени он поплевывал в ладошку и характерным жестом приглаживал чубчик. Тоскливым взором он тянулся к окнам второго этажа, откуда раздавались звуки механического пианино N 4. Подходившие немногочисленные гости опасливо озирались на него, а он в нарастающем раздражении выхватывал оба кольца и приседал слегка в боевой стойке. Чувствовалось, что он еще не созрел для роли героя-любовника. С высоты второго этажа он выглядел просто затравленным кандидатом на роль городского Чарли. Кстати, любитель всех происшествий Оползень своим незаурядным нюхом распознал центр антициклона, терся вокруг Гориллы в расчете на поживу и бормотал: Голилля, Вильджи найс гель, ай лайк ю Голилля, летьс длиньк: ю, ми эндь Вильджи. Проходивший мимо судья Стивенс взглянул вместе с ними на окна, прижал лохматые головы Гориллы и Чарли к своей груди, прослезился и поцеловал их.

Чай протекал на редкость чинно. Присутствующие расспрашивали Вирджинию как "гостя дня" о ее почтовых увлечениях, хвалили внешность, вкус и твердые убеждения. Миссис Прюденс развивала любимую тему о проверке крепости чувств у молодых

людей. Вирджи, подготовленная длительными дискуссиями с Верной Подругой, заявила: "Только тот достоин руки 100% девушки, кто хорошо зарабатывает, имеет дом, принципы и не менее 3 мес. ухаживал за ней "с цветами". На вопрос, как она относится к столь сильному чувству Тима Сарджента, ответ был: "Ему еще надо себя проявить". Дамы переглянулись: этот "материал", оказывается, не надо воспитывать - современные девицы так прагматичны! Майкл Капитано вызвался поговорить, сегодня же, с Тимом Сарджентом и объяснить ему, что надо делать. Вирджи застеснялась: "Ах, не стоит, хотя она будет очень благодарна, если Тимми не будет больше бить по лицам у почты".

На другой день вернулись шериф со старателями, и начался набег на стада Капитано, которые за соответствующую плату перегоняли частью в Пума, частью в столицу штата. Судья велел красить заборы к приезду вице-губернатора и объявить сбор регуляторов для отражения набега. Мужская половина городка реализовала свой заговор и минимум на неделю отвлекла судью от решения матримониальных проблем. Но она (мужская половина) не подозревала, что является пешкой в руках бомонда. Интрига развивалась уже по другим законам, дирижерскую палочку держали тонкие, но решительные пальчики.

Искушения Гориллы приобрели теперь совершенно неожиданный для него характер. Сначала прикатила Миссис Прюденс в коляске и предложила проехаться до ранчо Москито. Он не хотел уходить из будки, но разъяснения Майкла и внятные намеки Верной Подруги уже начали делать свое дело. Он почистился и поехал. На ранчо его высадили, дали лошадь и отправили, покормив, обратно. Лора Прюденс жаловалась потом Мэри Капитано: "Нет, Вы подумайте! Его приглашают покататься, а он в течение всей дороги расспрашивает моего мужа, мельника, почем овес, какие рессоры надежней и т.п. В заключение он заявляет, что заведет себе ландо получше нашего и запряжет четверкой! Нет, пусть его цивилизуют без меня - у меня не хватит нервов". Следующее искушение было связано с явлением Люси Николс. Ей очень мешала природная смешливость - каждые две-три фразы она не выдерживала и начинала хохотать. Со стороны выглядело, как будто Горилла Сарджент рассказывает ей анекдоты. На самом деле она никак не могла поверить, что из этого "чугунка", по ее выражению, можно вырастить угрозу для городских светских львов, хотя Горилла к этому времени был чисто выбрит и благоухал от шерифни до церкви. Разговор шел о его родине, кукурузном штате: что там едят, что танцуют и т.п. Николс был очень недоволен. Они с шерифом вылезли на улицу, уселись у пробирной палатки и вполголоса костерили Гориллу, баб и глухомань. В ход пошли истории и з жизни Гориллы: как ему продали карту с кладом, который оказался под муравейником, или как он сэкономил на выпивке в компании старателей, ссылаясь на простуду.

К раздражению почтенных граждан, пошла мода «а ля Горилла»: юноши стали говорить с прононсом, сочинять стихи и приглаживать ладонью чубчик. Толстуха Джейн организовала перехват в салуне гонца от «Шериф и Ко» в Пума-сити. Его

довели за счет фирмы до нужного состояния и обыскали. В грамоте, как доложила Джейн бомонду, говорилось: «Неладно что-то в Кампус-сити! Юбки повисли на Горилле, козы в салуне требуют плату цветами, сопливые надели галстуки». Бэки велела гонца отпустить, а козочек чуть приструнить – идея не должна быть опошлена. «Я же говорила, что мужики все одинаковы: мелкий эгоизм и нравственное убожество. – Бэки и не такие слова знала. – Да они удавятся, а не позволят мальчонке покрасоваться. Кстати, Джейн, по-моему, пора в салун пускать только при галстуке, в чищенных сапогах и т.п. Наиболее галантные должны обслуживаться лучше, хтя и за деньги».

Искушения Гориллы продолжались. Частично они шли стихийно - девицы проявляли к нему все больший интерес. Он отчасти возомнил о себе и холодно отвечал на невинные заигрывания. В столицу штата ушел вызов Рэйчел, а пока Джейн с пирогом и вермутом лично посетила Гориллу в будке. Вирджиния было занервничала, но удвоенное внимание местной молодежи компенсировало эту маленькую неприятность. За неделю старатели озолотили грека, который с недоверием взирал на массовую скупку туалетных принадлежностей: галстуков, одеколona, ваксы и т.п. Он даже поднял цены, т.к. чувствовал, что его грабят.

Однако самое тяжелое искушение Гориллы оказалось и наиболее загадочным событием для местных кавалеров за долгое время. Сама Бэки Тэтчер, днем, одна, без сопровождения проплыла мимо будки Гориллы на почту, демонстрируя талию, которую "можно продеть в подкову", как выражались в этих краях. Полгородка наблюдало, как она замедлила шаг перед дверью, слегка наклонила голову, предоставив взорам каллиграфический затылок, и пронесла в дверь свою большущую голубую шляпку так же элегантно, как баркентина под всеми парусами входит в Хадсон-ривер. В этот самый момент она, не оборачиваясь, подняла правую ручку и пошевелила в воздухе пальчиками, то ли приветствуя кого, то ли сопровождая какую-то особенно затейливую мысль. Выйдя вскоре из здания почты, Бэки остановилась на секунду, посмотрела сквозь Гориллу, который открыл рот, и уплыла. А еще через секунду выскочила Вирджиния: Тимми, дарлинг, отнеси в цветочную лавку бумагу и карандаши Ма'ам".

Жители безмолвствовали.

Так кончилась вторая неделя страсти и страстей Гориллы Сарджента. Городок за эти дни преобразился так, что судья Стивенс боялся выходить в нарядную толпу у почты. В тюремной камере шерифни собрался военный совет.

17/VI-1985

СВАДЬБА

Еще ничего было не решено, но дамы шили наряды к свадьбе, грек организовал подпольный тотализатор: кто первым из молодых вступит на ковер. О самих молодых

начисто забыли, но влияние этих безумных дней чувствовалось. Неожиданно старый негр Том Найденыш заявился к судье и попросил обвенчать его с Розы: "Всю жизнь мечтал о такой женщине". Джейн негодовала и допускала выпады по отношению к другим расам: "Если каждый ... негр будет жениться на моих..., то я разорюсь!"

В шерифне шел военный совет.

Майкл Капитано вещал: "Друзья мои, нужно заказать оркестр - скоро возможна свадьба. Строительство Сити-холла - это следствие возросшего благосостояния жителей городка. Со временем судья Стивенс оценит удобства жизни в цивилизованном городе! Заведем родео!.." Николс осторожничал: "Может быть, представить ему строительство Сити-холла как подарок городу в связи с намечающимся бракосочетанием..."

Нервный Шериф прервал их мечты: "Меня больше всего волнует, что скажет судья Стивенс! Он тебе даст родео... Когда у него пройдет мигрень, и он увидит бальный зал вместо бани-читальни... да он нас уволит, а Николса вообще заставит каждый день сидеть в пробирной палатке, как в тюрьме..."

Одинокий старатель был, как обычно, желчен: "Испугался, праведник на жалованье? Да вы тут совсем размякли!.."

Майкл даже обиделся: "Что ты, в самом деле! Никто тут не размяк!"

Николс же высказал ряд предположений: "Говорят, в Пума теперь есть оркестр струнных инструментов, хотя и краденных, а также изучают бальные танцы под руководством Рэйчел..."

Старатель начал заводиться: "В Кампусе постепенно и мужчины становятся сплетниками - в Пума заложен яблоневый сад, а женщины нас посещают на экскурсию. До хождения в надушенных шейных платках мы еще не дошли!"

Умный Николс не стал связываться: "Ладно! Судья увидит этот бальный зал - так как бы его ... э, не хватило! Это чего-то бомонд задумал: Люси с Джейн не вылезают из цветочной лавки..."

Старатель нагрелся и продолжал: "Это ваш бомонд нам на голову садится: тю-тю-тю, галстучки-носочки, шляпки и цветочки... Мы прозевали минимум неделю - уже на улицу невозможно выйти небритым. Черт знает что такое! Мы моем золото не для того, чтобы нас ограничивали в самовыражении".

Шериф вздохнул: "Вам там в Пума хорошо: у вас только один пьяница. А мы тут толпу бездельников кормим, которые на проповеди ходят хлопать..."

В прохладе тюремной камеры было решено: немедленно женить Гориллу. Затычка может привести к коллективному безумию на почве любви. План был реализован в два дня с военной четкостью. Майкл немедленно отправился к Горилле, а от него к родственникам Вирджинии, пообещав предоставить лошадей для кортежа и стадо к столу. Она была согласна. Николс пошел навещать судью и готовить его к мысли, что первое бракосочетание не за горами. Одинокий старатель засел в салуне и принялся за расследование. К ночи стало ясно, что бомонд - это действительно третья сила в

городке и что сражение против цивилизации старателями уже проиграно. Толстуха Джейн, стоически храня секреты бомонда, за стаканчиком "шотландского кофе" поведала, как тяжело каждый вечер после работы (спасибо, Лора подвозит) решать великие проблемы городской жизни. Она выразила также восхищение проницательностью цветочницы: как она тонко рассчитала момент для преобразования жизни Кампус-сити. "Один ее визит сегодня на почту показал этим мужланам, что ценится настоящими дамами в этой жизни. Хотя, когда Горилла приволок эти дурацкие карандаши к ней домой, его, разумеется, не пустили в дом - пусть женится на Вирджи и не распускает губы. Бэки сегодня днем забежала на чашку кофе в салун и говорит: "Я, пока шла домой, подумала, что малость перехватила, и отправила к нему свою Клео..." Представляешь, выходит Клео, толкает его в грудь и говорит закрой рот и иди на свою почту. Пора его поставить на место, а то он уже норовит бесплатно выпить в салуне, раз он местная знаменитость. В общем, он будет ухаживать за Вирджинией еще пару месяцев, а потом мы их поженим".

Одинокий старатель курил трубку у окошечка маленькой комнаты на втором этаже городского дома Майкла Капитано, где он обычно останавливался инкогнито. Ему было грустно - он жалел судьбу Стивенса. Ну что наша жизнь, надежды, борьба! Вот добрый судья, изнуряет себя проповедями: "равенство, совершенствование". А бомонд уже отрезал пару букв от "эгалите" и весело напевает: "элита, элита". А я, старый дурак, намыв золота до полной независимости от общества - теперь должен шаркать ножкой, а то меня, того и гляди, в салун не пустят. А что с городом стало! Скоро монастырь заведут только для того, чтобы монашков совращать от светской скуки. Дорог понастроили - в ландо ездят. Майкл прокат лошадей открыл для дам и двуколок для влюбленных парочек - они переворачиваются на каждом лужку. Николс выпиливает по дереву и льет чугун - украшает холл завитушками. Шериф и тот прозевал момент, как бабы бедного судью, в сущности, в доме заперли: он в церкви только начнет им про равенство, а они ему декольте показывают. Вот так всю жизнь работаешь, чтобы потом все ушло на юбки, зеркала... А ведь того, индейки, не понимают, что чуть мы обабимся - гуроны с томаханам враз нас отсюда выживут или из штата пришлют драгун, и все! Ладно, женим Гориллу - психоз поубавится. Но ведь до чего ловко все обстроили - на наше же золото развлекаться, да так, что мы, как паяцы, все кланяемся, целуем ручки и делаем вид, что безумно счастливы.

Накануне свадьбы бомонд собрался на очередной совет и подвел итоги. Толстуха Джейн пугала подруг раздражением старателей из Пума: "Как бы они не открыли стрельбу по щеголям". Мэри Капитано советовала: "Сначала всех хорошо накормить!" Люси Николс рекомендовала особо недовольных подвергнуть соответствующей обработке еще в церкви: "Пусть весь вечер ждут и надеются, что и им что-нибудь перепадет". Рэйчел скромно предложила свои услуги: "Раз уж я в виде исключения приехала одна ... то есть с подругой ... мы могли бы..." Джейн тоже готова была пожертвовать собой. Бэки напомнила, что борьба еще не окончена: "Происками

старателей из Пума период ухаживаний Гориллы был искусственно сокращен с 12 до 6 недель! Их-то нам и не хватает, чтобы заставить их всех выучить французский язык, научить их ходить в туфлях вместо сапог и т.п. Мы временно отступаем, но не сдаемся. Теперь пусть думают, что мы обо всем забыли". "Больше ласки, - сказали хором Рэйчел с подругой, - как это замечательно - бал, свадьба, свершение надежд двух любящих сердец!" Лора Прюденс внесла свое предложение: "Надо продумать программу праздника: речи и шампанское само собой, танцы, сольный номер Рэйчел, потом шарады по-английски". Наконец и Бэки улыбнулась: "В общем-то они и не поняли, что мы их приблизили к человеческому облику! При случае мы еще что-нибудь придумаем, особенно для дикарей из Пума-сити!" Бомонд развеселился, ткнул по маленькой "кофе по-южнокаролински" и стал мечтать о том, как столица штата переедет сюда, в Кампус-67

сити. Здесь будет университет, собор, сенат, духовой оркестр, театр и "даже библиотека", добавила Клео, внося поднос с мороженым. Но после второй чашечки красотки взгрустнули: сколько лет пройдет до этой счастливой жизни. Люси, подумав, сказала: "А вообще-то и наши мужики - ничего, получше ихних-то будут!" А Бэки заметила: "Но если мы хотим жить в большом городе, нам нужна здесь... промышленность и железная дорога!" Дамы замерли, а потом Джейн высказала общее мнение: "Ах, Бэки! Какая ты умная! Как жаль, что не ты наш генерал-губернатор!" Свадьба, бал, праздник, оркестр! Какие слова! А что это значило для женщин, поселившихся в медвежьем углу! Нет, это зрелище не для моей кисти - тут нужен Рубенс! Скажем только, что свадьба Гориллы и Вирджинии в новом зеркальном зале Сити-холла удалась на славу! Маккинси произнес речь по-латыни, грек - по-гречески гекзаметром, Майкл преподнес поэму на сюжет из жизни пчел, Николс произнес тост за родителей брачующихся, старатели из Пума подарили застолбленную заявку на богатое местечко. Дамы плакали и провожали Гориллу, как на войну. Шериф расщедрился и от имени властей Кампус-сити подарил молодым свободный участок земли под собственный дом. Судья же произнес прочувствованную речь об Александре Македонском, который был язычник, жил до Христа, но в конце концов тоже женился.

Все время застолья в зеркальном зале судья ощущал себя неудобно, т.к. в спину ему смотрела целая толпа народа с помощью всей этой системы зеркал. А публика, разодевшаяся к такому случаю, очень стеснялась судьи Стивенса. Не сговариваясь, все норовили выпить с дорогим патроном. И постепенно он чувство- * ' вал себя все свободнее, а вместе с ним и жители Кампуса. После первого десерта были танцы "бального типа". Судья даже прошелся в мазурке с красоткой Клео, подчеркивая тем свой демократизм, во всяком случае, ему хотелось думать именно так. Публика была в восторге! Новобрачная Роза пыталась обнять судью, и Джейн едва ее оттащила. Местный бомонд втихую поздравлял себя с грандиозным успехом. Бэки очень тихо сказала Мэри, что бал уступает, конечно, балам в Новом Орлеане, но превосходит все

от Бостона до Вашингтона! Старатели начали понемногу скидывать жилеты и танцевали в одних сюртуках!

Принесли мороженое, ликеры и кофе! Оркестр по просьбе судьи стал играть что-то классическое и заунывное, и Клеопатра спела спиричуэл - да так, что судья заплакал и стал вполголоса каяться шерифу. Оркестр вновь ударил бравурное - публика начала скандировать: Рэйчел-Рэйчел! И она исполнила нечто цыгано-негритянское, демонстрируя, к восторгу старателей, свои лодыжки! Бал вошел в такую силу, что счастливые горожане перестали даже замечать, кто и что делает. Загорись сейчас Сити-холл, никто бы даже не остановил свою даму во время "кантри".

Клео млела в блюзе с китайцем Ченом, уткнувшись ей носом в ключицу. Дигги и Блэксмита откалывали новомодные коленца с Рэйчел на зависть местным девам. Наконец, в какой-то момент бомонд на руках старателей был вознесен на огромный дубовый стол с шампанским, бокалами и прочим. Раскрепостившись и убедившись, что судья уже на все согласно кивает головой, они промели стол своими юбками в бешеном канкане, побив посуды на три тысячи долларов! Забыв о старателях, не достигших нужной степени благородства, самозабвенно и вразнобой они плясали на столе, купаясь в восхищении и зависти, - наконец-то они чувствовали себя в высшем свете!

Глядя на все это, шериф втолковывал своему другу Николсу: "Понимаешь! Я же шериф - мне нельзя! У меня большое будущее - и мне нельзя!" А невдалеке Одиноким старатель сам по себе танцевал тот же танец вдвое медленнее, наслаждаясь своим пьяным изяществом. Время от времени он подходил к чете Капитано, которая радовалась за расшалившихся детей, и говорил: "Майкл ... Мэри ... это что - все матриархат, да? Тогда, пожалуй, согласен ... честное слово - надену галстук!" Судья Стивенс, счастливый, сидел в уголке, подперев бороду рукой, кивал бесчисленным танцующим парам, умноженным зеркалами, и умиленно объяснял Маккинси: "Вот видите, в конце концов все равны и счастливы!"

24-27/VI-1985

ХРОНИКА НАСТАВЛЕНИЯ ИНДЕЙЦАМ

Судья Стивенс когда-то изучал богословие, и лавры Св. Луки, похоже, не давали ему покоя. Время от времени в кругу ближайших сподвижников он делился крамольными мыслями: мол, не все в библейских книгах применимо к реалиям наших дней. Его также огорчало, как неправильно индейцы понимают важнейшие боговдохновенные идеи. Да по совести сказать, и старатели насчет любви к ближнему, постов и предоставления второй щеки для удара никак не могли быть образцами для подражания. Моральное усовершенствование мира, по мысли судьи, должно было бы происходить у всех сразу одновременно, но постепенно. Судья же готов был

бесстрашно идти впереди прогресса, но не слишком далеко - чтобы в спину не дуло. Большие неудобства причиняло судье то, что многие уверовали! А суровая жизнь среди индейцев мало напоминала монастырь - судье приходилось иной раз и крутые меры принимать. Но тогда начинали нервничать адепты: "Как же так?!" Правда, судья Стивенс имел в запасе универсальный способ решения проблем двойственности реального и идеального. Когда эмоциональная атмосфера начинала сгущаться, он посыпал голову пеплом и каялся. Он намекал, что не достоин!.. Сообщал, что кругом виноват и берет все грехи на себя, чтобы остальным было хорошо!

С этой целью судья задумал моральное поучение или "Наставление" современникам, где бы он мог, с одной стороны, несколько упорядочить и модернизировать библейские догмы, а с другой - углубить и расширить моральные требования к человеку. Он собрал трех-четырех наиболее грамотных и морально устойчивых: Голдсмита, китайца Чена, красотку Бэки - чтобы обсудить некоторые избранные места из Книги. Обсуждения шли без спешки, темы были исключительно важны: "сущность голубя", "роль провидения" в конфликте Моавитян и Аммонитян или смысл стиха: «Я видел предел всякого совершенства, Но твоя заповедь безмерно обширна. Нашлись недовольные тем, что их не приглашали на эти заседания: "мол, они ничем не хуже", - хотя они мало что понимали в Книге. Однако судья Стивенс разрешил всем приходиться для божественных занятий. После этого работа над "Наставлением" замедлилась - заседания больше не собирались. Судья же продолжал обсуждать интересующие его проблемы один на один с посвященными. Особенно его волновала возможность объяснения "падения стен" и "осушения моря" одной и той же причиной. Наконец судья решил, что "Наставление" может принять форму коллективного труда, ибо сам он слишком занят. Сказано - сделано: судья собрал в церкви Св.Варфоломея всех жителей Кампус-сити и призвал их свободно, без ненужной заданное™ написать что-нибудь высокоморальное. Судья долго уговаривал писать: "кто что хочет", - но потом сдался и обозначил общую тему: Иов. Работа закипела! Таясь друг от друга, поселяне листали Книгу и чинили перья.

Выдержки из индивидуальных работ на тему "ИОВ":

1. Первым сдал свою версию аккуратный грек. Садзитакис писал, что атом Иова состоял из ядра (сам Иов с женой), протонов было 7 (сыновья) и нейтронов 3 (дочери), а также множества элементарных частиц: верблюды, волы и др. животные. А наука доказала, что очень большие атомы неустойчивы. В те дикие времена это приписывалось сатане. Последний с ведома главы проекта дезинтегрировал атом Иова с целью узнать, как поведет себя ядро. Эксперимент удался: ядро стало испускать волны в слышимом диапазоне. Бог провел обратную реакцию с восстановлением атома Иова при удвоении элементарных частиц. Это говорит нам о пользе и прибыльности науки.

2. Старый бражник Том Найденыш немедленно приволок описание верблюдов из стад Иова и отметил, что в начале всей истории их было 3 тысячи, а в конце вдвое больше.
3. Джон Маккинси разработал проблему ожиданий Иова. Он указал, что-тот совершал всесожжения по числу детей своих, участвовавших в пирах, плюс одного тельца "за грех о душах их", исходя из рациональных ожиданий. Короче, перестраховывался: "Ибо говорил Иов: может быть, сыновья согрешили и похулили Бога в сердце своем". Однако у богов всегда есть, за что наказать, или хотя бы повод провести расследование. Тем самым мораль истории Иова можно усмотреть в том, что нельзя иррациональную систему: начальник - подчиненный (дурак) - рационализировать до предсказуемости.
4. Майкл Капитано считал, что бог, конечно, был не вполне прав, "напроказив" Иова. Но распоряжения начальников не обсуждают, а выполняют: "И отвечал Господь Иову из бури и сказал: препояшь, как муж, чресла твои: Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мне. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, как у Бога? ... Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его;... кто ... проколет ... ему нос багром? Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его?"
5. Красотка Бэки принесла изящный комментарий к следующим строкам: "И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри". Ее точка зрения сводилась к тому, что пресмыкаться (даже перед богом) настоящий мужчина не должен. Судье почудились баррикады.
6. Городской молодняк, робея, принес 6 параграфов, заслуживших благожелательные комментарии судьи. Они развивали тезис Елиуя, сына Варахиилова, Вузитянина из племени Рамова: ".я робел и боялся объявить вам мое мнение. Я говорил сам себе: пусть говорят дни, и многолетие поучает премудрости. Но дух в человеке и дыхание Вседержателя дает ему разумение. Не многолетние ТОЛЬКО мудры, и не старики разумеют правду".
7. Старина Николс принес комикс, где в особо доступной форме донес основные идеи истории: зарвавшийся от богатства и ожирения Иов, пиры и пожар, проказа, сатана и бог, Иов, сдирая черепком проказу, беседует с оппонентами, прекрасные дочери Иова: Емима, Кассия и Керенгаппух. Каждое утро он приходил к судье, отбирал свою рукопись и до вечера, иной раз пренебрегая основными обязанностями, усовершенствовал скетчи, вводил новые сюжетцы. Старатели уговаривали его заняться иллюстрированием всей Книги и вывесить картинки на стенах. Он обещал подумать над этим вопросом.
8. Миссис Прюденс взялась за дело основательно - главное, она считала, детально разобраться в прошлом явления. Оказалось, что Иов выпендривался. Например: "Я был глазами слепому и ногами хромоту... юноши, увидев меня, прятались, а старцы вставали и стояли... Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал

похищенное..."

Судья в душе гордился глубиной анализа, но мучился - вдруг это все прочтет губернатор.

9. Шериф принес свою главу, в которой рассматривал всю историю Иова как шокотерапию. Ну, привязался господь к этому Иову! Ну, сдал его сатане! Ну, тот всех порешил! Ясно, что всех нас запугивают проказой, чтобы не высывались. Иова так довели, что он затыкнул: "Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле". Ну и пожалуйста: надо - значит будем...

10. В последний момент прискакал Одиноким старатель с нечитабельной рукописью двух опусов, написанных в седле. Первый толковал, что правильно, мол, этому старому зануде Иову врезали, ишь: "человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. Нечего в святые лезть - правильно сатана говорил: "разве даром богобоязненен Иов?". Зря ему все отдали, да еще в двойном размере... В другом опусе сумбурно освещалась роль бога как монополии. Вот бог спрашивает: "Где был ты, когда Я полагал основания земли?.. Кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божий восклицали от радости?" Т.е. он взял патент и захватил рынок. Но 100% монополия неизбежно загнивает! Без сатаны с праведником Иовом сдохнешь со скуки - вот истинная мораль произведения.

Представленные опусы повергли судью Стивенса в ужас, но отступить было поздно - "Наставление" должно было быть опубликовано - уже и губернатору обещали! И судья сел за редактирование. Увы, невозможно в переводе полностью передать изящество бисерной работы судьи над рукописями сограждан. Ограничимся лишь дайджестом вводной главы.

Мысли судьи были, как обычно, ясны и логичны: "Как совершенно справедливо указано в книге Иов, не только нельзя грешить, но и думать чего-либо неразумного о боге. Это связано не только и не столько с морально-религиозными воззрениями, сколько с тем, что у Него мышца превосходит всяческие рациональные ожидания. Не правы и те, кто полагает, что молитвой и жертвоприношениями они могут застраховаться от бегемота. Лишь тот, кто наг, приобщен к проказе и не ропщет, может рассчитывать с известной вероятностью на облегчение своего положения в дальнейшем. Не будет чрезмерным усложнением вопроса и иной подход к изменению наклона кривой до вертикали. В сущности, Иов проходит через несколько стадий освобождения от брэнности - его терпение и самоуглубление достойны зависти. Однако нерешенной остается проблема взаимозависимости начального благополучия Иова и внимания к нему со стороны бога и, прямо скажем, сатаны. Противоречивой представляется и тенденция Иова к поиску детерминированной связи между грехами и искуплением в условиях первобытно-общинного строя. Более ясной является концепция жены Иова, которая компактно охватывает проблему, рассматривая смерть

Иова с предшествующей хулой бога как "третий выход". В целом нельзя полностью отрицать неолиберальный подход к образу Иова, предполагающий нелинейные связи между праведностью последнего и масштабами дестабилизации базисного цикла его бытия. Дальнейшего изучения требует точка зрения здорового крыла консерваторов, смысл которой не полностью сводим к формуле: 140 лет жизни и тысяча пар волов после проказы - это он еще хорошо отделался!" Мораль - начальник всегда прав.

18/1-1986

НИКОЛС ВЫХОДИТ В ЛЮДИ

Прошел еще год. Переменилось кое-что в личных судьбах обитателей Кампус-сити. Бэки респектабельно вышла замуж за представителя "Уэллс Фарго бэнк" в городе и превратила свой магазинчик в оранжерею. Вирджи удивила судью Стивенса тем, как быстро родятся дети у американских девушек после свадьбы. Красавчик Дигги получил степень магистра философии и приобрел привычку с размаху хлопать знакомых по спине, выражая им тем самым свою приязнь. В салуне по-прежнему играли в "бычка", но стреляли немного, т.к. среди молодежи распространилась эпидемия тихой игры в "камушки", занесенная греком. Дочь амазонки Салли была объявлена живой богиней у всех томахан - добрые индейцы замучили семейство постоянными приглашениями к своим кострам: то освятить "трубку мира", то уладить семейные дела, то посоветовать, кого выбрать вождем племени - Салли очень уставала.

В столице штата появился новый губернатор с юга, питавший огромное почтение к святому человеку. Он и дня не мог прожить, чтобы не попросить судью Стивенса написать письмо Президенту или в Конгресс, продумать какой-либо местный закон или даже разобраться в непорядках, препятствующих счастью в данном штате. Судья не знал покоя и скрипел пером день и ночь. Губернатор любил деловитость и порядок, он сразу же снял ряд мэров, передвинул половину чиновников в столице и слил несколько управлений. Среди его задумок была и ликвидация неперспективных поселений, управление которыми осуществляли случайные люди, польза от которых была неочевидна с точки зрения всеобщего блага.

В первую очередь было снесено несколько индейских поселков вблизи столицы, чтобы повысить санитарное состояние округа, обезопасить дороги и снизить уровень алкоголизма среди индейцев. Среди прочих кандидатов на реорганизацию числился и Пума. У вице-губернатора, который подрабатывал решения на месте, возникла идея вернуть его обитателей в Кампус. Спасибо судье Стивенсу - озабоченный своими проблемами, он категорически отказался принять эту толпу в свой ухоженный городок, ссылаясь на нехватку питьевой воды, сенокосов и места в церкви. Однако проблема оставалась - что делать с пумцами и им подобными. Решено было обсудить это в столице штата прямо на заседании местного конгресса. С этой целью в Пума был

выслан полк драгун, чтобы доставить всех жителей поселка в столицу с недельным запасом продовольствия без оружия, но "не в виде арестантов".

Вера губернатора в судью Стивенса таинственным образом перенеслась и на жителей Кампус-сити. Шерифа Трабла с очередным посланием судьи он встречал как родного сыночка и все норовил послать в Бостон по сельскохозяйственным делам.

Необыкновенное впечатление на южанина произвела слава пробирщика Николса в области изготовления забавных игрушек. Он стал переманивать его в столицу на должность заведующего столом "пробирования и застолбления", поручив переговоры своему вицу. Судья пришел в отчаяние и бросился в город на защиту Николса "от верной гибели". Угрожая подачей в отставку, он получил заверение, что никто из жителей Кампуса не будет насильно переведен в столицу на повышение.

Судья Стивенс не подозревал, что Николс давно обдумывал вопрос об увеличении своего жалованья, что в условиях Кампуса было попросту невозможно. Ведь даже получивший в области египтологии степень магистра бородатый Маккинси вынужден был дать понять, что "ни на что не претендует". Доброму судье и в голову не могло прийти, что эти денежные соображения могут толкнуть флегматичного пробирщика расстаться со счастьем жизни в патриархальном городе ради мерзости столицы.

Ужасную правду открыл ему шериф, пытавшийся оправдать приятеля бедственным положением его семьи: своего экипажа-то нет. Судья не очень понял и все твердил Николсу: "Имейте в виду, что никто не сможет Вас насильно заставить переехать в столицу на большее жалованье - я Вас спасу!"

Первый раунд переговоров с вице-губернатором произвел на Николса удручающее впечатление: жалованья конкретно не предложили, толковали о расширении работы и создании стола "застолбления" в рамках существующего управления исследований в области телеграфа (в штате была линия в Вашингтон). Руководитель управления, как говорили, бывший работорговец по прозвищу "Чопехед" (любимая присказка после стаканчика) наводил на тихого пробирщика суеверный страх.

Николс заскучал и стал намекать знакомым, что согласится переехать, если ему гарантируют достаточно большой оклад жалованья: "За тридцатку теперь не продаются" - гордо формулировал пробирщик. Кроме того, он очень хотел состоять со своей небольшой службой лично при губернаторе, но никак не мог найти добровольца, который сообщил бы о его условиях хоть вице-губернатору. Уверения окружающих, что Чопехед долго не просидит, а Губернатор не может предложить должность без денег, совсем не утешали его.

Дальновидность пробирщика, выработанная за долгие годы, проведенные в прохладе тюремной камеры Кампус-сити за пивом, проявилась - в том, что он начал подбирать себе штат "на всякий случай". Его общая идея заключалась, видимо, в том, чтобы сохранить привычный образ жизни и в столице. Судью Стивенса чуть не хватил удар, когда до него дошли слухи, кого Николс собирается забрать с собой. Своим заместителем он наметил взять шерифа, т.к. тот замечательно справлялся с этой ролью

в Кампусе. В качестве способных ребяташек на низовые должности были приглашены Горилла Сарджент (с семьей) и муж миссис Прюденс, мельник (с экипажем). Вербовка сотрудников Николсом сопровождалась коллизиями. Так, исходя из того, что шериф не сможет остаться в Кампусе без него, пробирщика, он сообщил о согласии того вице-губернатору уже при первом разговоре. Вице-губернатор был очень рад: ему давно хотелось собрать команду из толковых, дисциплинированных ребят, прошедших школу судьи Стивенса. От него Трабл и узнал о своем переезде как о деле решенном. Постеснявшись спросить, кто именно решил это дело за него, шериф бросился на коня и помчался к судье. Сердце шерифа разрывалось - оно не было склонно к измене, во всяком случае сейчас! Всю дорогу до церкви в родном городке, который он полюбил в этот момент как никогда, шериф осквернял окружающие леса непечатными выражениями. Эта нехорошая привычка осталась у Трабла со времен тяжелого детства, т.к. в целом в те мужественные времена сквернословие еще не стало признаком джентльменства.

Расспросы шерифа стали вторым ударом добрейшему судье. Третий вновь нанес лично пробирщик, когда остановил экипаж мужа миссис Прюденс, мельника, в котором судья Стивенс следовал на прогулку, и раскланявшись, спросил: "Ну что, надумал ехать со мной?" Судья похолодел - ночью ему приснилось наводнение: Араке и Малая Рона вздулись и с двух сторон валами пошли на Кампус-сити. Жители под руководством судьи с кошмарной быстротой соорудили валы из земли и собственных домов, чтобы спастись от гибели, и заняли круговую оборону. Но вода прибывала, и чем больше прибывала, тем более темной она становилась. Стальные гребешки волн накатывались на валы, росли, вытягивались, как огромные щупальца, и ... первыми они слизнули нежного пробирщика. Тут же вода стала размывать участок вала, который он защищал, - судья бросился туда сам, но новая волна завертелась смерчем и стала медленно втягивать Майкла Капитано. Парализованный ужасом, судья взирал, как любимый ученик исчезал в вязкой жидкости, принимавшей зеленоватый оттенок. Когда от Майкла осталось только странно безмятежное лицо и кисть правой руки, развернутая в прощальном жесте, судья проснулся. Это было самое тяжелое утро в его жизни со дня основания Кампуса.

Стало немного легче днем, когда пришла весть, что жителей Пума этапировали в столицу штата, - судья даже прослезился. Но к вечеру ему опять стало страшно - казалось, что все жители тайком от него пакуют вещи. В частности, становилось понятным, почему миссис Прюденс опять (как и во все предыдущие годы) забыла заплатить городку поземельный налог. Явный отток людей от церкви к салуну, какая-то суэта - все было подозрительно...

Жителям городка было не легче. Горилла ломал голову над предложениями Николса. Миссис Прюденс была за переезд в столицу, но против работы мужа, мельника, в столе "застолбления": он достоин лучшего. Шериф пытался объяснить приятелю, что лучше быть вторым в деревне, нежели двадцать пятым в Риме - тот решил, что речь

идет о нем самом, и опять надулся. Ему было очень тяжело - он не привык к такой нервной нагрузке: Люси дома уже сортировала платья и паковала кофейный сервис. Бомонд с нарастающим нетерпением прислушивался к ее щебету на тему: обязательно приезжайте к нам в столицу по средам (там было добрых 60 миль). Не приглашенные в столицу жители с подозрением разглядывали друг друга: кто скрывает, что едет... Пошли внутрисемейные доносы судье... Известие о загадочной судьбе пумцев сначала всех расстроило, указывая на непредсказуемость окружающей среды. Но тревога быстро сменилась эйфорией. Запершись, они говорили друг другу: с нами такого произойти не может! Потом начали клясться, что все останутся, вооружаться, прятать ценности и седлать лошадей. Слухи продолжали разрастаться: "индейцы восстали" - "пумцы провезли отравленные кинжалы и револьверы на заседание конгресса штата" - "судью назначают прокурором штата" - "нет - он будет баллотироваться в сенат". Шериф клялся судье, что у него и в мыслях не было - его опять оклеветали! Меньше всего знал о разгоревшихся страстях пробирщик -он полдня сидел в салуне и тонко обольщал Джейн. Она предлагала ему взять с собой пару девочек, которые уже вполне созрели для перехода на другую работу и выхода замуж - мол, не в том дело, что они мало понимают в полезных ископаемых, зато они контактны и что хочешь застолбят, если не в пять минут, то кутру. Николс в ответ говорил, что возьмет "только одну девочку", и подмигивал левым глазом так, что голова передергивалась. Простодушная Джейн умоляла его взять хотя бы Джо-Энн на полставки, чтобы помочь ей подняться со дна, но он только мигал. Лишь после четвертого стаканчика он решился высказаться более определенно и поведал о трудностях жизни в столице: никто его-де не понимает, все в нем, мол, переломано - и не хотела бы она помочь ему? "Конечно, - отвечала Толстуха, - я сейчас велю зажарить для тебя курчонка и пришлю Джо-Энн, пусть она споет тебе песенку "о маленьком ослике, который пошел один гулять в прерию..." Николс надулся из общих соображений. Перепой и дикие слухи о выселении Пума, бегстве шерифа привели вечером к ряду неприятных инцидентов. В салуне били зазевавшихся. Старый Том Найденыш не выдержал мысли о потерянном рае и застрелился. В темноте приполз беглый пума-жанин и шепнул, что их хотят переселить в резервацию к томаха-нам, но они все равно пробьются и уйдут на новые земли. Капитано бросился с этой тяжелой вестью к судье - тот почесал в бороде и сказал, что мудрое руководство еще никогда не поступало несправедливо и во всем разберется. Вечером шлепнули двух индейцев, пытавшихся уехать из городка по своим делам. Ночью судье приснился новый сон. Будто он обо всем договорился с губернатором: никто из Кампуса не переходит на службу в столицу, налоги с городка снижают и даже дают денег на колледж. Более того: Рэйчел в джинсах, широкой шляпе и с кольцом назначают заведовать столом "застолбления". Часть старателей из Пума верстают ей в клерки, а остальных принудительно женят на индианках и посылают внедрять мытье рук перед едой по племенам... И едет он домой в Кампус умиротворенный, как вдруг

начинает вокруг сгущаться и на душе нехорошо. Потом чувствует - опять вал воды, как прошлую ночь, гонится за ним от соседнего ручья, причем вал вдали нежно-зеленый, а вблизи уже синий. Судья мчится и перед самым гребнем захлопывает ворота Кампуса, но земляные валы уже размыты и вода густеет у ног. Тогда он бросается к церкви - и вот на ее крыше сидят последние обитатели, самые верные и надежные: Маккинси, Садзитакис, Бэки и еще кто-то... А внизу жители пробираются поодиночке прочь от наступившей воды. Вот подъехал Майкл Капитано верхом на огромном синем быке, крикнул: "Я не могу бросить телят и ягнят!.." - и исчез в темноте, а за ним как под гору ушли овечки, на которых сидели предположительно нагие девицы из салуна и махали судье платочками. На тонком бревне проплыл шериф -стараясь удержаться, он сосредоточенно перебирал босыми ногами. Судорожно размахивая для равновесия винчестером, Трабл левой рукой прижимал к груди начищенные шерифские сапоги. Исчезли и другие фигурки внизу, и вода, флюоресцируя, начала подниматься все ближе к большому гнезду на крыше церкви, но Садзитакис и красавчик Дигги продолжали спокойно перекладывать какие-то камешки на шахматной доске, приговаривая туманно: "А, один глаз все равно не в счет..." Манипулируя прихваченным обеими руками колоколом широкой юбки, подлетела Джейн и свистнула. Тут Бэки взмахнула голубыми рукавами стилия "кимono": "А, ну это все к черту (вас всех) - надоело!" - и они обе улетели в теплые края... Судья будто устало спрашивает египтолога-вождя-агронома Маккинси: "Что же Вы сидите, Джон?" А тот отвечает: "Эх, Ваше преосвященство! Во время разлива Нил любую пирамиду смоем - выпускайте, што ля, голубя - может, где развиднелось". И в нарастающем страхе ищет судья голубя по карманам. "Ведь точно вчера клал... два!.. - И кричит вверх ветра: - Нету у меня!" А Маккинси ему: "В шляпу поглядите!" И только судья Стивенс взялся за свою шляпу, как оттуда вылетел голубь. Сразу же солнце проглянуло - это утренний луч зайчиком от бронзовой чернильницы разбудил судью. Отец города встал и с мыслью: Так больше жить нельзя!" - выехал, не завтракая, в столицу штата выручать беззащитного Николса!

2-5/VI-1986

ОДИНОКИЙ СТАРАТЕЛЬ И СИМФОНИЯ

Отсутствие музыкального слуха мучительно интеллигентному человеку - все время хочется петь! Нечто подобное приключилось в графстве Орандж: народ запел и заиграл! Судья был счастлив - ведь механическое пианино, лютня, арфа и другие благородные инструменты поднимают и даже возвышают человека. "В том культурном обновлении, которое переживает все графство, - вещал судья, - мы должны найти свое место. Главное - это изящество! Единство формы и содержания - это два! А прочее все

гниль!"

Бесподобный вкус судьи Стивенса надолго определил развитие музыкальной культуры Кампуса и окрестностей. Наивысшим шиком считалось переложение фуг для банджо и лютни. Жители городка соревновались в поисках вещичек позаковыристей, чтобы их исполнение в церкви после очередной проповеди могло потрясти судью и прихожан. Публика рыдала, когда Лора Прюденс сыграла на арфе песню неведомой страны Толден Солоуэй". Самое трудное было - это найти что-то такое, чего не слышал судья. Раз-другой это удалось Дигги, который сыскал пьески забытого богом Шуберта и приторговывал ими: "Форест Кинг", "Хэппи миллер" и т.п. Это у них называлось искусством! Но судье очень нравилось. Гораздо менее удачно выглядел в этом отношении Шериф - то напишет песню об утепленных коммунальных службах, то затянет заунывное: "Кого люблю, того здесь нет!.." Это очень раздражало судью, так как в песнях были слова, а их можно неправильно интерпретировать.

У судьи была ясная идея - переложить всего Баха для лютни, банджо - для щипковых. Работа затягивалась, т.к. даже силы младшего поколения жителей были небеспредельны. В то же время Бэки, например, активно участвовала в переложении, но ее музыка почему-то оказывалась похожей на позднего Де Бюсси и ее приходилось скрывать от патрона до тех моментов, когда он был особенно благостен... Так что собственные сочинения обитатели городка потихонечку сбывали неграм в Новый Орлеан.

Хуже всего было Одинокому старателю - он не только не имел слуха, но и музграмоты не освоил. Поэтому в годы жизни в Кампусе он пробавлялся сочинением дежурных вещичек к праздникам, хотя все знали, что он когда-то писал рондо. Он, бывало, послушает очередную фугу, потрет нос и буркнет: "У меня есть эта мелодия в третьей (второй, четвертой...) части Рондо". Считалось, что теперь он пишет Симфонию. В Кампусе написать ее было просто невозможно, но в Пума постепенно дело пошло. И здесь было страшно некогда - весь городок мыл золото, душили административные дела, штатские власти не давали покоя с налогами, индейцы теребили. Но друзья и соседи помогли ему соорудить "башню из черного дерева", в которой он в ненастную погоду терзал известные в те годы музыкальные инструменты. На их звук приходили койоты.

Как всякий Творец, Одинокий старатель нуждался в понимании. Частенько за бутылкой виски или картами он напевал арии из своей будущей оперы. Никто не удивлялся - различия между оперой и симфонией в Пума были неизвестны. Он откладывал стаканчик, брал банджо в руки и слегка брэнчал: Ты слышишь?! Здесь как бы плеск лотка... А вот птички будят нас утром у костра... А вот барабан-пикколо - это Лора Прюденс едет рысцей в коляске, управляемой ее мужем, мельником!"

Творческое кредо Одинокого старателя состояло в том, что он должен отразить свою эпоху. Всякий слушатель должен был понимать, что это не только выдающийся уровень музыкального обобщения, но и подлинные страсти жизни. Работу затягивало

несовершенство инструментов - так, автор пришел к выводу, что нет прибора, который мог бы воспроизвести шум кофейника, убежавшего в костер, выстрел и т.п. Охотников слушать отрывки из будущего «Грандиозо» становилось все меньше, и автор стал нанимать козочек, которые брали с него на 20% дороже, если им предстояло еще и музыку слушать - нравы в тех краях были провинциальные и культуру мало уважали. Работа над Симфонией пошла быстрее после изгнания Джейн из Кампуса. Она оттянула на себя массу хлопот по городу, а он все чаще запирался в башне и дул в волынку. Пума замирал, в салуне изъяснялись жестами: "Сам музыку пишет!" Наконец, Одинокий старатель наскоро закончил 6-ю и 7-ю части Симфонии, чтобы успеть с первым гала-исполнением ко Дню Благодарения. Он вынес свою Симфонию на всеобщее обсуждение так, будто корабль спустил на воду. Исполнение ее было назначено в столице штата при большом скоплении народа. Жители Кампуса, Пума и окрестностей явились в столицу, вооружившись, чтобы их друга не обидела эстетствующая публика. Автор обежал всех своих знакомых с коротким рассказом об идейном смысле этого национального по форме, но глубоко капиталистического по содержанию произведения.

Торжественный день настал! Столичные эстеты встретили произведение неожиданно благосклонно, хлопали, хотя частично и разбежались. Жители же Кампуса мучались, пытаясь угадать, кто из них отображен в этих звуках. Судья чувствовал себя, как в шторм в трюме корабля, но улыбался через силу -он охотно бы послушал вариации на темы сочинения N824 для хора мальчиков и органа. Особенно тяжело ему дался кофейник! К концу исполнения все были в изнеможении, но не автор-исполнитель? Бодро выйдя на авансцену зала заседаний местного Сената, он раскланивался под хлопки патриотов графства Орандж. Он возвращался на сцену, как только овации начинали затихать, и не давал публике разойтись, наслаждаясь своим успехом. Когда публика все же разошлась, Одинокий старатель вернулся и полчаса кланялся креслам. Небольшой прием по случаю первого исполнения Симфонии отличался натянутостью - не все были в состоянии пить виски и ссылались на жару. Шериф же хлопнул две без содовой, интимно сообщил автору: "Зря ты исполнял 5-ю часть!" - и убежал сушить шпалы. Джейн дала ясно понять, что пьет только из уважения к прежним заслугам Одинокого старателя в борьбе с религиозным мракобесием: "Но это не музыка: кофейник, ружье и прочее". Судья Стивенс повеселел и уговаривал автора не публиковать ноты Симфонии: "Мы все к Вам хорошо относимся, но Авраам Линкольн и Бенджамен Франклин не одобряют такого произведения".

Через неделю Одинокий старатель собрал жителей Кампуса для обсуждения Симфонии - он хотел получить всю сумму музкритики для его дальнейшего усовершенствования. Оказалось, правда, что мало кто прослушал ее целиком. Например, Голдсмит (сын уважаемого человека Блэксмита) излагал так: "Я не знаю точно, что хотел изобразить автор, так сказать, Симфонии, т.е. я не знаю ничего точно... Но я внимательно прослушал части 5,6 и 7-ю... Мне показалось, что

уважаемый автор где-то - я не могу с уверенностью сказать - перегнул палку... Все-таки публика не привыкла к тому, чтобы на ее глазах в течение 15 минут скальпировали индейца! (Крики присутствующих; "Исполнять отдельно!.. 5-ю часть отдельно!.. Еще раз!") Да! Я точно не могу сказать ничего, но мне кажется, что выразительные средства частей 6-й и 7-й контрастируют с их внутренним содержанием. Так, можно догадаться, что в 6-й части речь идет о чем-то религиозном - видимо, о проповеди и последующих похоронах. Флейты и скрипки, колокол и пронос гроба по залу - это, конечно, впечатляет. Но нужен ли самой ткани этого произведения еще и сардонический хохот за спиной каждые 30-40 секунд?.. Часть 7-я выглядит вполне законченной. В частности, стрельба и пожар создают у присутствующих ясное ощущение приезда начальства. Еще многое можно сказать средствами музыки - такое мое мнение".

Дигги выражался с оттенком недоумения: "Мне показалась странной 1-я часть произведения (я слышал также 5,6 и 7-ю). В наш век струнной и фортепианной музыки бульканье лотков, стук лопат при добыче золота представляются мне некоторым анахронизмом, в том числе и кофейник... (Возмущенные крики: "Кофейник - это находка!.. Это самое сильное место! Не трожь кофейник!..") Возможно, я не прав относительно кофейника, возможно... По части скальпирования на сцене... Мне хотелось бы видеть часть 5-ю исполненной отдельно - это самостоятельная проблема. Принципиально новой является постановка вопроса о похоронах и набеге индейцев, но художественное решение малоубедительно".

Майкл Капитано объяснил, что слышал 2-ю и 3-ю части, вернулся на 6-ю, когда смолкли вопли скальпируемого, но ушел после выноса гроба. "Я привык, - говорил скотовод, - что катафалк должен быть запряжен не менее чем 6 лошадьми, - а тут всего одна! Не хватает также кратких вербальных введений к частям и ясных названий. Вообще автор стесняется своей формы подачи материала - надо смелее..." При этих словах судья от огорчения уткнулся себе в плечо и чуть не ушибся.

Две приятнейшие дамы из пригорода сочли, что автор еще не очень четко определил свое кредо: "Замысел 1-4-й части ясен: добыча золота - продажа золота греку - праздник добычи - пожар в салуне. Но создается впечатление, что праздник и пожар детерминированы, тогда как это просто проявление американского национального духа!"

Торговый грек был весьма краток: "3-я часть - плохо; части 5-ю (скальпирование) и 7-ю (набег) - переписать. Остальные покупаю за 190 долларов".

Несколько старателей сочли, что в части 5-й скальпировать надо было сразу несколько индейцев, их же и похоронить в части 6-й! А для этого часть 7-ю переписать впереди 5-й. Да и вообще - эти три части должны быть впереди всей Симфонии. Их выступления сопровождалась демонстрацией различных систем оружия и предложением использовать в симфонии по крайней мере легкую артиллерию. Николс их поддержал: "5-я часть (скальпирование) представит большой интерес для

определенного слушателя".

Бэки высказалась, как всегда, загадочно: "Мы понимаем, что Одинокий старатель пытался в первых частях заняться просто бытописанием, а в частях 5-7-й в обобщенной форме выразить свое отношение к вечным, можно сказать, проклятым вопросам: что есть смерть и что есть жизнь, что есть бог и что есть истина! Но ему не хватило духу откровенно выразить свою точку зрения. Он этой стрельбой, гробами и скальпами пытался замаскировать объективный переходный процесс: от капитализма свободной конкуренции к его монополистической стадии. Да, грюндерство! Да, ограбление маленького человека акулами финансовых махинаций! Да, аморально! Но прогресс!" Молодежь непроизвольно захлопала цветочнице. Позднее художник изобразил Бэки в этот момент ее жизни в образе греческой богини, ступающей по нагромождению рельсов и шпал с акцией "Северо-Западной Быстроходной Лимитед" в поднятой руке. Вдруг все обернулись на приглушенные рыдания - Одинокий старатель бормотал сквозь душившие его слезы: "Спасибо! Как поняли! Только Вы могли!.."

9-30/VI-1987

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ШЕРИФА ПУТЬ К БРОДЕЛЮ

В графстве Сауфшир развивалась деурбанизация. Николс завел в Эприкоте - том пригороде столицы штата, где он основал свой стол "застолбления", счетную и пробирную палату. Старатели в Пума наладили производство и ремонт драг, фургонов, ветряных мельниц и огнестрельного оружия.

В Кампус они приезжали все реже - дела, дела, дела. Изредка пришлют Трабл или Капитано индейчонка верхами - ну, экс-патриоты и соберутся на очередном пожаре салуна или на чьем-нибудь юбилее.

За текучкой подоспели драматические события. Трабл съездил по поручению губернатора в Рашу и вывез оттуда идею железных дорог. Истомившись на шерифстве, он принял предложение построить "рейлвей" в центр расселения томахан, чтобы в будущем белые люди получили доступ к лесным массивам, лугам, залежам железа и угля. Оставалось набрать людей, построить поселок и ту-ту! Будучи оптимистом, шериф стал под устное "давай-давай" вербовать себе артель строителей железной дороги и жителей поселка, который был назван Броделем в честь великого ученого - шериф хотел не смешиваться с простонародьем из Пума и Эприкота, но переплюнуть Кампус!

Трабл не стал вывешивать объявлений о наборе или заманивать высокими ставками, тем более что своих денег ему было жалко. Получить же с вице-губернатора обещанные фонды только судье Стивенсу иногда и удавалось, но только после правильной осады. Шериф же избрал гениальный план действий - просто слонялся

целый день по Кампус-сити и общался с согражданами. Утро он проводил, словно бродячий проповедник, на ступеньках храма, день - за пивом на веранде шерифни, а вечер - в салуне. У одних жителей он между делом интересовался, "правда ли, что Дигги и Чен переезжают в новый поселок". Другие сами расспрашивали любимого шерифа, неужели он покинет судью Стивенса и уйдет на новые места. Трабл тяжело вздыхал - чувствовалось, что уйдет... Проще было со старателями: "Ребята! Что-то все бросают прииски и идут класть шпалы - говорят, золотое дно!" Сложнее было с дамами: "Какой прелестный шарфик! А цвет лица! Как это будет шикарно выглядеть на "рейлвее"! Высокоученую Бэки шериф обхаживал, как она - свои орхидеи. Он втолковывал ей, что она станет самой мудрой женщиной нового городка - судьей Броделя. Он шептал ей, что в Раше "самые красивые женщины работают маркшейдерами". Бэки кивала и интересовалась, похожи ли "ло-ко-мо-ти-вы" на "па-ро-хо-ды", которые она когда-то видела на Миссисипи. И если да, то почему они не падают с рельсов. Впрочем, она определенно обещала поговорить с судьей Стивенсом.

Итак, в городке опять началась смута, как в те времена, когда холерики бежали в Пума, а флегматики выселялись с Николсом в Эприкот, чтобы работать в его конторе. Теперь начали паковаться сангвиники, и по Кампусу опять поползли слухи, что все переезжают! Судья Стивенс с грустью размышлял о том, почему так не везет в жизни шерифу Таккеру: тяжелое детство, теперь эти столбики, рельсы, мосты, а благодать все дальше и дальше...

Шериф же, напротив, напевал свой "трам-трам"! Он чувствовал себя Моисеем, вывозящим свой бедный народ из Египта в землю обетованную по железной дороге. Ему хотелось подарить недоимки, но врожденная предусмотрительность заставляла его подождать, что скажет судья. Трабл полагал, что лично его судья будет усовещевать, кого-то отговаривать от переезда или удерживать ссылками на "аграрную необходимость". Судья же слабо верил в возможность и совсем не верил в эффективность этих методов. В ближайшее же воскресенье на проповеди он заявил, что "хотел бы остаться совсем один - пусть церковь станет мне склепом - и дожить тут оставшиеся годы..." Он намекнул, что дьявольское изобретение "рейлвей" упоминается в Книге под N 666, а следовательно, и общий конец недалек! Он дал всем присутствующим общее отпущение грехов без исповеди (!) и объявил о прекращении сбора пожертвований на церковь, ибо ее "ремонт и украшение теряют всякий смысл"... Наконец, он выразил желание раздать все свое имущество отъезжающим, включая книги, ибо "ему теперь уже ничего не надо". В церкви легла гробовая тишина, потом послышались еле сдерживаемые рыдания - обнявшись, плакали Рэйчел с подружкой: все было так трогательно! Домой судью провожала толпа жителей Кампуса, а под руки почтительно поддерживали Дигги и Южанка под вуалью.

Два дня старина Трабл мучался мигренью. Судья жалел его и советовал взять в железнодорожную артель побольше индейцев, чтобы приобщить их к цивилизации,

особенно к грамоте и правилам личной гигиены. Еще он полагал, что в новом поселке было бы неплохо поселить пару чокнутых старушек и Розы из салуна, которые, обладая большим жизненным опытом, смогут создать для переселенцев необходимый уют.

Заботливый судья слетал на крыльях беспокойства в столицу и выколотил из вице-губернатора подтверждение его обещаний Траблу, нажимая на то обстоятельство, что молодежь должна чувствовать не только контроль, но и заботу: только тогда способные молодые люди смогут к 45 твердо встать на ноги и под руководством старших товарищей начать содержательную общественную и трудовую деятельность. Судья провел также новое распределение земельных участков, чтобы молодежь "не болталась без дела". Короче, судья помогал, чем мог, и заметно повеселел. А на очередной проповеди благословил железные дороги как таковые, ибо со временем, сказал он, они приведут к стиранию граней между Кампусом и деревней.

Бывший шериф быстро нашел новый путь для вербовки. Из Раши он вывез еще одну передовую идею: женские железнодорожные бригады. Трабл уважал прогресс! Ему повезло: в Кампусе появилась Дэзи - подруга Бэки по пансиону. После победы аболиционистов она бежала в Англию, но не прижилась у королевы Виктории. Теперь возможность заняться строительством железной дороги было приятной альтернативой неопределенному будущему у томахан. И тут же ему повезло еще раз - на стройку пришла Люси Николс. Эту мятежную душу тянуло в океан еще с единственной улочки Кампуса. Мечта встать со временем за рычаг могучей машины с большой черной трубой и уйти от идиотизма деревенской жизни в Эприкоте заставила ее взяться за кувалду. Растроганный Трабл обещал своим женщинам установить местный праздник 8 марта. Еще легче оказалось перетащить к себе Гориллу Сарджента - просто пообещав ему отдать все золото, которое удастся найти вдоль колеи будущей дороги. Но дело явно шло к тому, что со временем Сарджент станет главным кондуктором. Жители Пума, Эприкота и Кампус-сити с симпатией отнеслись к новому поселению, особенно к прекрасному сухому холму, который шериф выбрал для Броделя. Все готовы были помогать переселенцам. Одинокий старатель обещал охранять женщин во время работ от нападений индейцев, а также наладить ремонт основного капитала, Николс - даром произвести пробирные работы и застолбить.

С холма было хорошо видно столицу штата, а кругом была масса пригодных для вырубki лесов. Умники из всех поселений поговаривали о конфедерации, но многие побаивались за свою религиозную независимость от Кампуса. Правда, простаки из Пумы путали буквы в названии нового поселения, но сангвиников из Броделя ничего не смущало.

Бомонд провел очередное совещание в мансарде. Джейн объявила, что будет проводить воскресники по пропитке шпал. Лора Прюденс и Бэки решили в будущем помочь шерифу составить график движения поездов. Бэки подвела итоги:

"Переезжать из культурного центра и каменных домов явно преждевременно, но

прогресс необходимо поддержать - может, и доживем в конце концов до концерт-холла".

Первую линию (Эприкот-Бродель) Трабл собирался провести напрямую за лето. Не реже раза в неделю он оповещал о ходе работ и сборе пожертвований. Теперь он носил фуражку и кожаную куртку с металлическими заклепками и велел своей женской бригаде звать его Лидинг Продьюсер, а после работы - просто Мастер. К открытию первой ветки было заказано 10 тысяч пригласительных билетов, начавшихся со слов: "Ю ар намбер ВАН фор "Бродель Рейлвей Ко". У символической "Первой Шпалы" он установил лозунг: "Через 4 года вдоль этой колеи будут яблони цвести!" Судья совсем подобрел и начал выяснять, нельзя ли провести железную дорогу и в Кампус то ли за счет средств штата, то ли в порядке христианской взаимопомощи.

6-18/Ш-1987

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Поистине странные дела творит с нами судьба в лице ниспосланного нам начальства. Только что ты распевал: "Янки-дудль! Будь непокладистой с девицами!* И вдруг тебя влекут, заламывают руки и требуют, чтоб ты к завтрашнему утру построил дворец и вырастил (семь) розовых кустов.

Шериф бился с хозяйственными трудностями. Железную дорогу построить - это вам не охота на индейцев. Приходится иметь дело с цивилизованными людьми. Паровоз фирмы "А.Д.Фредерикс" оказался полым, шпалы шли на 40% гнилые, а рельсы укладывать было нельзя. Их концы почему-то глядели в небо. Не просто было и с вице-губернатором, который никак не мог решить, сколько именно казенных ресурсов нужно для строительства Броделя и дороги к нему, - он не очень разбирался в концентрации производства и капитала.

Оптимизм, однако, не покидал Таккера до тех самых пор, пока его не вызвали к губернатору. Тот поделился с Шерифом своим негодованием: "В Раше, я точно знаю, уже завели утепленные коммунальные службы, а мы живем, как в Вавилоне! Позор!" И отечески предложил ему заняться хозяйством столицы штата

- Вест-Лондона. Вице-губернатор было намекнул, что Таккер строит сейчас железную дорогу в Бродель, но губернатор махнул рукой

- есть более срочные дела. Виц в тот же день отказался гарантировать новый облигационный займ штата на строительство дорог и поселков. Бледный Таккер снял курточку с металлическими заклепками и рванул в Кампус.

Сумрачный шериф прошелся по городу, но вместо салуна обнаружил пиццерилью, а вместо тюрьмы - читальню. Пробринная палатка покосилась, а редкие старатели с трудом разбирали надпись на заколоченной двери: "Ник... В.ст.Л.нд., А...КОТ, вт и четв. 17-18". По улице бродили Джейн и Рэйчел. Они растерянно объяснили: "Здесь

что-то странное, все в церкви, дома заперты. Мы приехали в гости, но не знаем, к кому идти!"

90

Постепенно выяснилось, что Кампус сильно изменился за время отсутствия шерифа, Николса и Джейн, которая переселилась в Пума. В городе пахло ладаном! Жители впали в религиозный экстаз и долбили темпы книги на древних языках про деяния заморских праведников и юродивых. Соответственно, золота мыли все меньше, а в церковь ходили все чаще. Бдения начинались теперь в 6 утра, что окончательно лишило старателей божественного слова, т.ж. они никак не успевали приехать из Пума так рано. На опоздавших же Стивенс и его министр Дигги смотрели с такой укоризной, что легче было совсем не ходить. Старожилы городка попрятались: Бэки почти не выходила из оранжереи, Капитано путешествовал со стадами, а Садзитакис забаррикадировался в лавке и торговал через форточку. Только Лора Прюдэнс делала вид, что ничего не происходит, и продолжала кататься в своем ландо, управляемом ее мужем, мельником.

У своего старого дома Таккер встретил Дигги, которому судья подарил это строение. Растущий знаток священных книг стеснительно поинтересовался насчет ключей. Таккер страшно обрадовался. "Отлично, - закричал он, • будем жить вместе! Полежай в мансарду - там не заперто!"

К вечеру на втором этаже пиццерильи собрался местный бомонд и заезжие старатели, чтобы узнать последние столичные новости. Молчаливый и прямой, шериф долго курил и выражался туманно: "Сайта Роза! Порко мадонна!" Потом пошло веселее, поскольку сбегали к греку за виски. Оно несколько отбило запах дешевых духов, въевшийся в атлас с цветочками, которым были покрыты потрепанные диваны. Выяснилось, что борьба с урбанистическими язвами в столице штата идет полным ходом. Чиновник Станки уже закупил в Раше 150 утепленных коммунальных служб из карельской березы, 20 погонных километров глиняных желобов из Турции и план акведуков города Рим. Шерифу и предложили из всего этого соорудить коммунальное хозяйство Вест-Лондона, но не хуже, чем в европейских столицах. "И вот я опять с вами, спрячьте меня на пару лет!"

Общество долго выясняло, что делать, как укрыть своего дорогого шерифа от дурного глаза и чем его занять. Николс предложил открыть филиал пробирной палатки, Джейн звала помогать в ее сложном хозяйстве, пумажане подобрали хорошее озерко с ручьем. "Спасибо! - сдерживая нечаянные рыдания, отвечал шериф. - Спасибо, друзья! Но я должен, я должен построить Бродель и дорогу - я уйду в лес и буду потихоньку делать насыпь, смолить шпалы, разгибать рельсы... Мне бы только хлеба да соли, а рыбки я сам наужу, ягод собираю... Только не говорите, где я..." Все обещали. Наутро шериф пришел к 6 в церковь, но к 7 заснул и, падая, случайно выстрелил из "Смит и Вессона". Но судья Стивенс ничего не заметил - он так обрадовался возвращению блудного сына, что просто не знал, куда его и посадить в церкви. А

шериф подарил ему свою книгу: "Наши железные дороги - Ваше будущее!" Позднее за чаем судья высказал мнение, что занять Дэзи приготовлением пиццы для людей - это временная, но хорошая идея. А Сардженту можно подумать о патиссонах! Чтобы пока не сидеть без дела, конечно. А там и время железных дорог снова вернется. Жить шериф может в старом доме, но окна и двери заколотим, чтобы в столице штата ничего не поняли, а сзади маленькую прорежем. Тепло и воду подведем от старого дома Николса, чтобы труба не дымила. А в остальном можно жить, как раньше. Даже лучше - молодежь подросла, многие стали серьезно разбираться в божественном писании. Надо бы еще, продолжал судья, мосты на дороге в Вест-Лондон опять сжечь и на индейцев опять свалить.

25-28/TV-1987

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ШЕРИФА

Зря, оказалось, надеялся судья Стивенс на покой после возвращения блудного шерифа. Прошел едва год, как однажды утром судья был разбужен невероятным в Кампусе грохотом. Он метнулся к окну и увидел огонь и дым на уровне соседних крыш.

"Пожар!" - возопил судья и ударил в рельс. Схватив пару любимых книг, он выбежал наружу и... За церковью вдоль улицы к лесу шел паровоз. Толпа глазела. "Куда?! - закричал судья. - Откуда?!" Он уронил книги, нагнулся и... увидел свежечугунные рельсы - тут он все понял: "Сбежал!.. Достроил втихую..."

В этот момент паровоз дал задний ход, обдал святого человека паром и притормозил.

"Хау ду ю ду! Мистер Стивенс, вотс нью бай ю?" - спросил шериф, свешиваясь с тендера, и дал пронзительный свисток. Судья оглянулся и увидел развалины заколоченного ранее дома шерифа - тот не утерпел: собрав к вечеру паровоз внутри дома, он за ночь положил последние плети и с зарей выехал. Лицо Таккера преобразилось - на него снизошла благодать. Движения стали плавными, мимика - сдержанной, взор - мягким, оценки - преимущественно одобрительными, критика - конструктивной. Некоторая нервность проявлялась только в паровозных свистках. Но это так понятно - какой же шериф не любит быстрой езды на паровозе со свистком. А как прелестно развивается при этом его шарф, как элегантно он машет рукой четырем неграм, подкидывающим дровишки в огнедышащую топку...

События в Кампусе и окрестностях стали ускоряться, как это и полагается в эпоху железных дорог. Давно ли судья пытался поломать мосты, а теперь 80 миль - восемь часов ходу и ты у губернатора. Надо было перестраиваться. Каждый это делал по-своему. Дамы совершали коллективную поездку до леса и обратно. Старатели полюбили скачки наперегонки с паровозом. Судья неоднократно взбирался на паровоз, очень хвалил прогресс, а потом долго оттирал угольную пыль и отплевывался.

Городской молодняк почесал в затылке и ушел на лето в китобой - плантации брюквы окончательно запустели.

Вечерами шериф давал интервью за пивом, сидя на подножке еще теплого чудовища. Части его он почтой получил из Раши, паровоз оказался системы Ползунова. При этом он мурлыкал популярные российские частушки: "мой паровоз", "не стучите колеса", "кондуктор не спешит" и другие. Чувствовалось, что он вкушал заслуженный отдых после трудов праведных.

Понимаете, лениво тянул он, надоело мне трястись на одрах - пора, думаю, пересаживаться. От столичного начальства, сами понимаете, как от козла... Ну, я и организовал транснациональную компанию. Откопал недалеко племя чероки - совсем каннибалы - они друг друга почти доели, хотя гордятся своей великой историей. Я им поставляю лопаты, теса и другое передовое российское оборудование и товары длительного пользования. Называется это "Русско-черокское товарищество Лимитед" - я председатель, от чероков взяли пару вождей помоложе и попрогрессивнее, а от русских вошли братья Моторины. Отличные ребята, я взял у них пару патентов на черный день. Так что я теперь несущ прогресс черокам, а на проценты-дивиденды строю свою дорогу. По имеющимся подсчетам, продолжал он, на мою жизнь передачи технологии хватит. А не боишься, спрашивали старые комба-танты, что чероки напрямую договорятся с этими русскими? Неа! отвечивал шериф, чероки - гордые! Они не моются и русский язык учить не станут. Ау русских какой-то царизм - они за границу не ездят.

Опробовав дорогу в лесу, шериф решил, наконец, совершить въезд в Нью-Лондон. Собрал почетных гостей: Джейн и Лору, Маккинси и Одинокого старателя, Дэзи, ну и судью Стивенса само собой. Отъехав пару десятков миль от Кампуса, Таккер остановил поезд и указал на гранитную скалу, которую огибал железнодорожный путь: "Здесь я и решал, куда двигаться дальше. Придремал, знаете ли, на солнышке и было мне видение - на камне появилась надпись: прямо поедешь - начальником станешь, вправо поедешь - умы смутишь, налево пойдешь - украдешь миллион". Так Вы теперь будете жить в столице?" - спросил судья. "Да пет! - отвечивал шериф. - Я дома буду жить, в Кампусе". - "А как же миллион?" - спросил судья. "А я, как проснулся, забыл, которая сторона камня какая! Так что паровоз будет у меня дома стоять, ветку к черокам проведу, а еще можно в Кампус туристов возить, церковь им показывать." - "Туристов?" - спросил судья. "Ага! -простодушно вещивал шериф. - А Вы, глубокоуважаемый, сможете ям рассказывать о героическом основании Кампуса и призывать не есть мясо."

На подходе к Нью-Лондону проехали коттедж Рэйчел. Она выбежала на веранду в декольте и помахала платочком друзьям из Кампуса. Шериф перегнулся через борт паровоза: Рэйчел! Крыша не течет? - и дал свисток. Показался город, судья пытался было на всякий случай спрятаться в толпе пассажиров, но тут грянул оркестр и слышались истерические вопли столичных дам. Делегация во главе с первым вице-губернатором в составе виднейших жителей города утирала слезы умиления: цивилизация пришла и сюда - прощай, тряска в фургонах и ландо! Судья быстро

выдвинулся в первую шеренгу и, обняв шерифа за талию, произнес короткую речь о том, что Кампус и его обитатели, особенно такие выдающиеся, как мистер Таккер, всегда были, есть и будут на острие общественного прогресса: "Железный конь идет на смену индейской лошадке!" Вице-губернатор был очень доволен - наконец кто-то из молодежи его штата начал трудиться. После очередного марша он сделал общее заключение торжественной встречи: "Это хорошо, что юный э... Саккер, т.е. э... Факкер из этого... Тимбуса привел к нам пароход. Этот вопрос безусловно заслуживает дополнительного изучения... Поручим это судье Стивенсу... посоветуемся и на следующей сессии Сената подумаем..."

27-29/VII-1988

СВОБОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАМПУС

Строительство шерифом железной дороги не могло, конечно, остаться без дальнейших последствий для жизни графства. А ему самому надо было решать вопрос, куда гнать рельсы дальше. Благоволение вица, для которого железная дорога стала символом его личной прозорливости в выдвижении молодежи, оказалось легко превратить в документы на владение Санта-Моника плейнс - заречной частью Кампуса (народное - "bitch's swamp"). Судья Стивенс страшно разволновался и пару раз охарактеризовал железную дорогу как "русское изобретение", которое "позволяет ездить без труда и лошадей". Однако было поздно. Следуя своему методу: "рано утром или очень поздно вечером", - шериф оснастил контролируемую им территорию столбами с названиями и объявлениями. За рекой Араке (индейск. - Плачущая вода) появилась табличка: СВОБОДНАЯ территория Кампус

Неграм и индейцам вход в. А на середине моста "Свободы" табличка гласила:

Привет, иммигранты!

СВОБОДНЫЙ КАМПУС! Судья очень гневался по этому поводу, но сделать ничего не успевал, т.к. каждый день его ждали не менее интересные нововведения. Шериф провел рельсы на свою сторону и отгрохал новое здание "Русско-чероковского товарищества рейлвейных дорог Лмд". Через пару дней мимо судьи проехала пролетка и пятнадцать упряжек Майкла Капитано с вещами - Лора Прюдэнс переезжала во Фрикамп, как его быстро переименовали соседи. За ней двинулась добрая Дэзи, которая открыла харчевню "Удачный день". Прибыло несколько человек с Атлантического побережья. Осталась сама по себе в Кампусе Бэки, которая не любила паровозы и не хотела покидать солнечную сторону холма Енота, где так хорошо было ее оранжерее. Уважаемый человек Блэксмит пришел пешком из Нью-Лондона, держа на плече узелок со всей своей собственностью. Бывший молодняк Кампуса (все стареет) активно включился в работу "Даймонд чероки Лмд", которую возглавлял Г.Фредерикс. Но судья Стивенс немедленно вошел в Совет директоров,

чтобы никто в графстве не мог зарабатывать деньги без надлежащего надзора. Компания гнала тоннами стеклярус для канадских ирокезов в обмен на меха. Это уберегло Кампус от обезлюдения и принесло его обитателям значительные доходы, хотя и нарушало традиции - плантации моркови даже судья перестал вспоминать - ему было очень некогда. Правда, он совершил благородный поступок и уберег Бэки от стеклярусного бизнеса, т.к. это, безусловно, помешало бы ей выращивать цветы. В новом поселке происходило сплачивание жителей для решения исторических задач Америки и шерифа. Прежде всего он отстроил себе большой дом. Целую стену в нем занимала картина, к изготовлению которой он готовился с тех самых пор, как переехал в Кампус. В те счастливые времена он несколько раз принимался рисовать ковбоев, индейцев, сражения сухопутные и морские, но только теперь у него стало достаточно места, денег и времени, чтобы реализовать в полном объеме мечту детства - нарисовать картину: "Битва Александра Македонского с Пором". Для этого он вывез из Раши живого слона, поместил в овечьем загоне и, пока тот не сдох, срисовывал с него боевых индийских слонов, которых жители Фрикампа и особенно столицы штата находили восхитительными. Из природного глубокого уважения к женскому полу он (вопреки исторической правде) за левым флангом армии Александра пририсовал небольшой холм, на котором среди шатров, ковров, зеркал и служанок располагалась Роксана. Она явственно размахивала флажком с надписью "Free Campus". Чудесная получилась картина! Надо отдать должное Шерифу Фрикампа - он не утомлял жителей поселка большим объемом нравочений и попытками навязать им излишние размышления по текущим вопросам - он сосредоточился на глобальных проблемах - тем более, что должен был много разъезжать по делам "Русско-черокского". Перед отбытием обычно он давал краткое наставление Дэзи: "все подмести!" Потом собирал жителей на фэйф'о'клок для совместного - в духе времени - обсуждения глобальных проблем. Речи его были кратки и сочны: "Наша жизнь должна радикально отличаться как от Кампуса, погрязшего в морковном и, стыдно сказать, стеклярусном бизнесе, так и от жителей Пума или Нью-Лондона, занятых чем-то нудным и совершенно бесперспективным. В нашем городе главное - это полная свобода деятельности! Каждый должен найти сам себе прибыльное, нет! высокоприбыльное занятие - это, кстати, и есть основа справедливости. Естественно, на меня - здесь он вздыхал - ложится самая неприятная и утомительная функция в обеспечении нашего процветания: общение с властями и экспортно-импортные операции. В настоящий момент я вынужден пожертвовать собой и еду в этот лягушачий Париж с судьей Сти-венсом: адью, сограждане.

ТРИУМФ ДЖЕЙН ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Однажды судья Стивенс собрался в Европу и решил оставить во главе городка святую женщину Джейн, т.к. Шериф в это время манкировал обязанностями - приискивал место для какого-то поселения. Толстуха в восторге сделала книксен: "Какие указания будут?" Судья завещал поддерживать порядок, не распускать молодых людей (в отпуск - только по одному) и продолжать проповеди.

К его возвращению городок как-то неуловимо изменился. В воздухе стоял запах жареного мяса с луком, у церкви играл маленький оркестрик и публика прогуливалась вдоль торговых ря-

97

дов. Детишки с визгом крутились на карусели. Даже Садзитакис, в калошах и с зонтиком, с одобрением наблюдал за происходящим. Музыка постепенно утихла и народ повалил в салун. Это очень удивило судью, но все разъяснило большое объявление.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ!

В салуне в 19 часов будет представлен мюзикл:

Иисус Христос, суперзвезда!

В роли Марии - Диди, звезда из Фоли-Бержер!

Просьба всех придти со своими молитвенниками.

При наличии билета - бесплатная выпивка.

Участникам хора - скидка 30%.

Спевка в субботу в 14 в церкви.

У судьи открылись глаза, он вдруг поверил наветам, что в заведении Джейн подают спиртное и не только его! В течение недели она с девочками переселилась в Пума. Не помогло даже то, что сбор урожая ранних огурцов и весенний окот был проведен на высоком организационном уровне.

Так Джейн еще раз начала жизнь на новом месте. В здоровом духом поселке старателей девочек непрерывно склоняли к замужеству. Они нервничали! Оказалась масса женской работы: стирка, варка, уборка. Джейн регулярно жаловалась Одинокому старателю, что у девочек портятся руки и расширяются талии. "Это не шутка, - кричала она, - а профессиональные инструменты. Они теряют класс!" Ей советовали пополнять и освежать состав, а также напоминали об ее ответственности перед обществом.

ВЫБОРЫ

Мудрость и высокое качество обслуживания в управляемом Толстухой салуне принесли ей заслуженную славу в масштабах всего штата. Многолетние рассказы судьи Стивенса о святой женщине постепенно распространились и в столице. Старатели же на вопросы всегда отвечали утвердительно: "Уй, месье! Святая женщина! Порядок и честность! Вино - хорошее, кофий - отличный! Музыка и девочки!.." - "Какие девочки?" - спрашивали в столице. "Ну, эти... воспитанницы..." - путались старатели.

Слухи о том, что сам губернатор с вицами интересуется святой женщиной, не остались тайной в Пума и Кампусе. Теперь уже невозможно установить, кто первый предложил избрать Джейн в Сенат штата, но идея быстро приобрела популярность. Девочки тихонько договорились и взимали с клиентов на полдоллара больше - создавали предвыборный фонд. Эта трогательная забота всколыхнула старателей - они подарили Толстухе пару бутылочек из-под шампанского, наполненных золотым песком. Идея задела за живое и старожилов графства. Шериф утверждал, что "лучше быть 2-м в Кампусе, чем Э-м в столице". Одинокий старатель, напротив, полагал, что "каждый имеет право на свой город, если снял 20 скальпов, намыл пуд золота и получил три ранения индейской стрелой". Долго дебатировался вопрос, стоит ли столичная жизнь необходимости постоянно общаться с начальством. Пустые разговоры шли бы еще долго, если бы не известие о том, что появилось несколько других кандидатов на это место в Сенате. Жители Кампуса и Пума почувствовали себя ограбленными. Горячие головы даже совершили непланный налет на мирных индейцев.

Военный совет был собран в Пума, для чего сгодилась и "башня из черного дерева" - в тесноте, но не в обиде. Пересказать все споры по поводу методов ведения предвыборной кампании просто невозможно - легче описать, что из этого вышло.

Один из соперничавших кандидатов сразу отказался от участия в выборах, узнав про Джейн: "Ну это дело к черту - потом вина негде будет попить!" И как в воду глядел - за короткий срок козочки штата собрали нужное количество подписей для регистрации, а кто-то сжег редакцию газеты "Оранжевый листок", поддерживавшую главного противника Джейн на выборах - Стинки.

Следующим ударом был выведен из строя Стинки. Злые языки утверждали, что в салун его привела Рэйчел - он был новый человек в штате и не всех знал в лицо. Рэйчел все начисто отметала: "Эта его программа коммунального счастья - брр!" Как бы то ни было, Стинки заманили в салун, напоили, накрасили и провезли в полуголом виде по улицам штата в обнимку с пьяной негритяжкой, раздетой до последней степени. "Голос старателя*" опубликовал подробное сообщение об этом событии с рисунком. Одновременно давалась хроника победного марафона "святой женщины из Пума", как звал ее весь штат, по городам и весям. Энтузиазм достиг своего

демократического пика в день выборов. Активность избирателей была просто невиданной - местами более 100%. Джейн получила полную поддержку в графстве Орандж и заодно чуть не стала мэром столицы, хотя туда не баллотировалась. Она въезжала в столицу, как Гай Юлий из своей Галлии, - после долгого отсутствия, но навсегда!

27/VI-1987

ТОЛКИ

Победив на выборах, Джейн начала формировать свою "команду". Труднее всего оказалось забрать любимых козочек - они не хотели в душный город, вдаль от своих старателей. Иные пытались сами набиться к ней, но она была разборчива: "Мальчик, я не могу Вас взять в столицу!" С подругами по бомонду она откровенничала: "Мне не нужны Растиньяки, но от Вотрена бы я не отказалась". Труднее всего было с судьей, который вежливо намекал Джейн, что ее отъезд осиротит весь Пума: "А Одинокий старатель - кто поможет ему?! Неужели его гениальная "1-я Симфония для подлинных инструментов и оркестра (в 7 частях)" - это последнее, что он сочинил?!"

В Пума старатели и козочки принимали соблезнования - большинство приезжих из столицы было уверено, что именно Джейн нашла в этих местах золото. Одинокого старателя настолько достали вопросами, справится ли он с текущими делами Пума, что ему пришлось прятаться у Капитано на конюшне. На прощальной вечеринке, которую устроили Джейн в салуне Пума, он сформулировал свое отношение к проблеме: "Не может же Джейн всю жизнь обретаться в наших краях: ей нужно шампанское, а мы виски употребляем! Я лично чувствую себя как вор, у которого отрубили правую руку - надо учиться работать левой! С другой стороны, современный писатель Дюмас пишет о кардинале Ришелье: "...преступления, могущество и адский гений миледи не раз ужасали его. Он испытал какую-то затаенную радость при мысли, что навсегда избавился от этой опасной сообщницы" (стр.648, "Лумина", Кишинев, 1974 г.); К нашей Толстухе это все не имеет никакого отношения, но столица штата еще содрогнется!" Все захлопали, а Джейн всплакнула в последний раз в жизни и пообещала навести порядок во всем штате.

' Бомонд в Кампусе с наслаждением прикидывал последствия перемен. Лора Прюдэнс интересовалась: "Джейн, и как ты все это потянешь? Ну ты все-таки решительная женщина! Я вот больше люблю в ландо кататься - при случае заверну к тебе в столицу". Бэки все рассматривала с научной точки зрения: "Джейн в столице сможет сверху проводить нашу программу облагораживания мира.. Эта победа - первая, но не последняя! Она вполне соответствует характеру Джейн и создает ей адекватную базу для самореализации!" Дамы только глаза закатили: уж Бэки скажет - так отрубят. Люси Николс стала допытываться:

- Джейн, а ты мэром столицы можешь?
- А чего там - могу!
- А вице-губернатором можешь?
- Могу, но мороки много!
- Джейн, а ты армией можешь командовать?
- Люси, а ты думаешь, кто старателями управлял? Одинокий старатель с волынкой, что ли? Так он сто лет свою Симфонию долбит - уши вянут! Могу и армией - только бы курева хватило.
- Джейн, а в масштабе Соединенных Штатов?!.
- А что, могу и в масштабе! Прокурором могу, министром финансов, внутренних дел, епископом... А Президентом не хочу - ответственности боюсь, просто трепещу перед ответственностью! Я хочу мороженое на балконе Сената завести и справедливость. С шерифа опалу сниму - пусть он свои рельсы открыто кладет. А то положит метров десять и еловыми ветками накрывает".
Старатели все пытались помочь Джейн своими советами, но она внятно объяснила, что в столице живала не день и не два. "Вы тут с золотом и морковью разберитесь, а проповедь я вам сама прочту. И навещайте меня в столице - только за неделю письмом предупредите, а то у меня там с вицами чертова прорва дел. Да, и чтобы ни одного пьяного с девками, а то не обессудьте!" Так закончились толки в Кампусе о победе Джейн на выборах.

28/VI-1987

ВЪЕЗД

Вхождение Джейн в Вест-Лондон можно сравнить лишь с явлением другого исторического персонажа в Иерусалиме. Нет, она приехала не на ослике - она прикатила в ландо, срочно купленном на трудовые доллары. Но встречавшие ее толпы горожан, старатели верхом на лошадях и поклонники в экипажах, их общий энтузиазм - все это было очень похоже. Рэйчел ехала впереди в шальварах и тюрбане, сидя по-турецки на ковре, положенном на седло. Дигги с кем-то бежали по бокам лошади, страхуя ее от падения. Но Джейн было вообще не узнать - недаром она месяц что-то готовила в Пума. Старатели не могли ее себе и представить раньше в длинном открытом платье из фиолетового бархата, с отделкой сзади и воротником в виде бабочки. На козлах сидел негр во фраке. Ну а жители столицы уже не могли угадать в этой даме нервную девицу, покинувшую их улицы семь лет назад.
На перекрестке кавалькада задержалась - застрял экипаж одной из местных гранд-дам, которая сочла необходимым узнать Джейн и выразить радость по поводу ее возвращения "из этой глуши". С теплой улыбкой дама в фиолетовом чуть слышно шепнула: "Варфи, фас". И кудлатый пес мгновенно привел в движение экипаж гранд-

дамы, облаяв ее лошадей. Их хозяйка стукнулась спиной и от неожиданности прикусила язык на слове "опять".

У здания Сената группа женоненавистников встретила Джейн плакатами: "Юбки прочь из Сената! На кухню! На какие деньги куплены голоса, мадам?" Плотненький Станки, держась за рукоять револьвера, вышел к ландо: "Отправляйся в Кампус или Пума! Там устраивай свой Сенат". Джейн взглянула поверх него на "звезды и полосы" на куполе, медленно сняла длинные перчатки... В ее руках очутилась двустволка. Через секунду Станки схватился за простреленные уши, а его сторонники залегли под беглым огнем умудренных схватками с индейцами старателей. Негр скатился с козел, выложил подножку и понес длинный хвост ее платья. Шагая вверх по ступенькам Капитолия с дымящейся двустволкой в руках, Джейн чуть оглянулась. Раздались аплодисменты друзей из графства Орандж и салют из ружей и кольтов: "Матушка! Ура!" Дверь в Капитолий распахнули Капитано с Николсом. И вдруг Джейн подхватила платье из рук почтенных сторонников ее политического таланта, бросила ружье, пробежала несколько шажков и прыгнула Николсу на руки. Толпа ахнула, старатели опять начали палить, женоненавистники и конкуренты онемели, Одинокий старатель плюнул. Еще момент, и под вопли, свист и восторженное улюлюканье сенаторшу внесли в зал заседаний - дверь за ней закрылась.

20/7-1987

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИЙ КЕМПИНГ

На этом завершается достопамятная и поучительная история КАМПУСА - городка на Среднем Западе США в последней трети XIX века, населенного творческим и очень оригинальным народцем. За 50 месяцев (в реальном счете времени) работы рассказчика над истоками и текущей жизнью Кампуса он развился в систему поселков. Его бывшие жители освоили не только территорию графства, но и столицу - законы развития стали существенно отличны от тех, которые установил когда-то святой человек -судья Стивенс. Кто теперь сажает морковь?! Пожалуй, лишь китаец Чен еще собирает свои две мерки риса, да Маккинси не бросает яблочный сидр. Старина Николс и в столице верен своему пробирному ремеслу - глянет на очередной импортный агрегат, завезенный Садзитакисом или шерифом, и проворчит с отвращением: Раша! Майкл Капитано и Геракл Садзитакис верны своему старому бизнесу. Геракл, например, только что опубликовал на этрусском языке свое очередное исследование египетских источников о греко-персидских войнах. А Капитано с нетерпением ждет публикации своего труда: СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ И НАСТРИГ. Бэки пока выращивает цветы, но и ее все больше тянет на ручей - ближе к свежему воздуху и золоту. А в остальном история Кампуса напоминает путь отцов-основателей США: коммуна в начале и индивидуализм в дальнейшем.

Грустно прощаться с целой полосой в жизни городка! Но что поделаешь: калач ржаной поманил! Судья Стивенс все реже виден в церкви. Он тихо стрижет купоны да получает конверты как член правления всех известных в штате корпораций и уже не заявляет в проповедях, что все эти диссидентствующие старатели и городки - временно заблудшие овцы Кампуса - не сегодня завтра осознают греховность своей жизни и вернуться к родным пенатам. Рэйчел выступает с концертами на родине - в Силиконвэлли, где-то затерялся Горилла Сарджент со своей Вирджинией, Чарли Оползень стал проповедником у одного из индейских племен. Амазонка Салли забросила пасеку и пошла в Вест-Пойнт. Одинокого старателя не видать ни в салуне, ни в Пума - засел в своей золотой шахте. Вылезает он только в школу благородных девиц -учит их чему-то возвышенному. Говорят, что он там на глубине футов сорока чуть не погиб от жадности - в спешке забыл поставить подпорки. Старатели разбрелись по своим участкам и появляются только в гости к старым друзьям. Шериф полюбил столичную жизнь и оптовую торговлю. И лишь Джейн хранит заветы старого Кампуса. На заседаниях Сената она неизменно заявляет: "Кампус и Пума - вершина развития человечества! Там в салуне, только там была я счастлива!" В "Вестнике старателя" и "Ведомостях прогресса" она по воскресеньям публикует платное объявление:

"Судья Стивенс! Одинокий Старатель! Бэки! Лора! Люси! ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ! Вернитесь в Кампус - начнем счастье СНАЧАЛА!!!"